Лина Ливнева

Марципановое облако

ЛИНА

Лина Ливнева

Марципановое облако. Лина

https://litres.ru/74837713
SelfPub; 2026

Аннотация

История жизни Ангелины Абрамовой до прихода в кафе "Марципановое облако"...

Содержание

Глава первая. Плюшечка 5
Глава вторая. Программа мести 11
Глава третья. Фиаско 16
Глава четвертая. Смысл жизни 22
Глава пятая. Сердцеедка 28
Глава шестая. Воля - не воля 33
Глава седьмая. Настоящее свидание 39
Глава восьмая. Опасный поклонник 45
Глава девятая. Конфликт 51
Глава десятая. Накладка 57
Глава одиннадцатая. Яжемать 63
Глава двенадцатая. Золотая лихорадка 69
Глава тринадцатая. Мошенники 74
Глава четырнадцатая. Опасный квартирант 80
Глава пятнадцатая. И так сойдет 86
Глава шестнадцатая. Воровство 92
Глава семнадцатая. Вызов принят 98
Глава восемнадцатая. Борец или преступник 104
Глава девятнадцатая. Шантаж 110
Глава двадцатая. Депрессия 116
Глава двадцать первая. Удар по принципам 122
Глава двадцать вторая. Бутик 128
Глава двадцать третья. Травма 133

Глава двадцать четвертая. Рутина 139
Глава двадцать пятая. Второй шанс 145
Глава двадцать шестая. Сестра 151
Глава двадцать седьмая. Новая сотрудница 157
Глава двадцать восьмая. Конфликт 163
Глава двадцать девятая. Провокация 168
Глава тридцатая. Торговля 174
Глава тридцать первая. План мести 180
Глава тридцать вторая. Предательство 185
Глава тридцать третья. Доказательство 191
Глава тридцать четвертая. Ресторан 197
Конец ознакомительного фрагмента. 198

Лина Ливнева
Марципановое облако. Лина

Глава первая. Плюшечка

Стрелки часов неумолимо двигались вперед, заставляя маму тяжело, я бы даже сказала страдальчески вздыхать. Больше всего я терпеть не могла слезливые прощания, всякие там обнимашки и сопелки в носовой платочек. А вот мама, напротив, являясь фанаткой мыльных опер, даже не пыталась спрятать стоящие в глазах слезы.

– Может быть, все же... – предприняла она очередную робкую попытку.

– Нет! – отрезала я, строго сверкая глазами. Мы уже минут пятнадцать сидели «на дорожку», так как мама считала этот ритуал необычайно важным. Впрочем, как я поняла, все дело было в другом – она наделась уговорить меня остаться. И зря, папа сразу понял, что это бесполезное занятие, ведь я такая же упертая, как и он сам.

Сегодня был мой последний день в родном городе, который приходилось спешно покинуть на неопределенное время. Очень сложно сказать, когда снова смогу сюда вернуть-

ся, но по легенде для родителей я уезжала учиться, получать еще одно никому ненужное образование.

Одно образование у меня уже имелось, я даже по нему проработала почти год, но затем жутко разочаровалась и ушла с огромным скандалом, решив навсегда покончить не только с работой, но и с данной профессией. Диплом я после этого ни разу не доставала, даже не знала, на какой из полок он пылится. Но по миру не пошла, несколько лет успешно осваивала иные, совершенно для меня новые, сферы деятельности. Корни нигде не пускала, почти всегда уходила с легкостью и без сожаления.

Последняя моя работа была в рекламном агентстве. Весьма интересная, с хорошим коллективом и, что важнее всего, с прекрасным руководителем. Пожалуй, за все время своей трудовой деятельности мне не хотелось расставаться именно с этой работой, но, увы. В других городах офиса у компании не было, агентство небольшое, местное, поэтому скрипя сердцем, пришлось уволиться.

– Ну что же, пора? – спросил папа, поднимаясь на ноги, он тоже не любил долгих расставаний.

– Еще посидим! – строго зыркнула на него мама блестящими от слез глазами, и папе ничего не оставалось, как спешно опуститься обратно. А затем она повернулась ко мне, чтобы завести свою прежнюю пластинку: – Но почему не дождаться твоего дня рождения, он же всего через пару дней, отметим... – мама поправилась, – вы с папой отметите.

Мама обзавелась традицией болеть на каждый день моего рождения. При этом всегда все готовила на стол, пекла торт, пирожные, закупала в магазине продуктов на целую ораву, шарики, гирлянды, конфетти, украшала накануне дом, а в итоге все самое интересное пропускала. И хоть я давно отказала себе в сладком, мама каждый год пекла торт, надеясь, что я снова превращусь в сластену. Я же давно перестала надеяться, что мама перестанет подхватывать в середине сентября хворь...

– Мам, я же сказала, меня уже ждут, учебный год начался, я и так опоздала почти на две недели! – снова отрезала я, давая понять, что любые дальнейшие возражения бессмысленны. Маме просто нужно смириться... Хотя нет, упрямством в семье болеем не только мы с папой!

– Давай я позвоню в деканат, отпрошу тебя... – предложила мама, а я шумно выдула носом воздух и поднялась на ноги. Папа вскочил следом и подхватил чемодан.

– Мне точно пора, поезд через час! – сообщила я и, не дожидаясь пока мама снова нас остановит, кивнула папе, и мы зашагали к выходу.

Сокрушенно охая, мама побежала следом, а возле такси дала волю слезам, уложив мне на плечо голову и зарыдав так громко и проникновенно, словно у нее случилось какое-то страшное горе. Таксист смотрел на нас с огромным сочувствием во взгляде, возможно, подумав, что я смертельно больна, и мама прощается со мной навсегда?

– Ладно, дорогая... – подал голос папа, когда я жестом попросила о помощи, и попытался оттащить супругу. Это было непросто – как сдирать с одежды репейник, хорошо было бы убраться отсюда до того, как на унылый мамин вой сбегутся соседки, знающие меня еще с детства.

Когда-то я была довольно милым ребенком, как назвал меня однажды папа «плюшечка». При этом дома меня всегда называли принцессой, но выражение «плюшечка», както раз прозвучавшая возле подъезда в присутствии соседок, прижилась с огромным успехом. И даже несмотря на то, что я давно сбросила половину лишнего веса, став довольно миниатюрной блондинкой, соседки в отношении меня употребляли именно это слово, ставшее неким триггером, от которого периодически дергался глаз. И хоть я неоднократно просила не называть меня «плюшечкой», как в вежливой форме, так и раздраженной, эффекта ноль. Ну, в отношении соседок, а вот мне постоянно словно кило соли на рану сыпали, будоража воспоминания из прошлого, которое я хотела навсегда стереть из своей памяти.

В детстве я была добрым, наивным и крупным... очень крупным ребенком. Причем младенцем родилась хилым, после рождения даже загремела в отделение для недоношенных детей и была на искусственном вскармливании. Маму ко мне не пускали, видимо, чтобы не привыкала, прогнозов радужных не давали.

Впрочем, все обошлось, спустя неделю после рождения

мама впервые взяла меня на руки. Нас выписывали, но под предлогом, что я буду регулярно и хорошо питаться, мол, жизни ничего не угрожает, но недобор по весу все же присутствует. И мама явно переусердствовала в своей заботе. Когда я набрала положенный младенцу в его возрасте вес, заботливая кормилица решила, что этого недостаточно. Я ее прекрасно понимала, не видеть своего новорожденного ребенка целую неделю, гадать выживет он или нет, тот еще стресс. И мама стала меня закармливать.

В первые годы своей жизни я не чувствовала никакого подвоха, радовалась тому, что могу питаться вкусно, что у меня дома неограниченное количество любых сладостей. Я не могла и дня прожить без конфеты или леденца, мама чудесно готовила, в холодильнике всегда имелся какой-нибудь торт или набор пирожных.

Осознание того, что я немного другая, гораздо крупнее остальных детей, пришло, когда я пошла в первый класс, минуя посещение детского садика, ведь к моему воспитанию родители, подключив дедушку с бабушкой, сочли, что садик для меня будет вреден. Старики свой камешек в необъемный огород тоже подкинули, чтобы я не попросила, все всегда покупали. Правда я не наглела, никаких дорогих навороченных игрушек не требовала, мой взгляд падал исключительно на сладости и книги, которые я любила одинаково сильно.

А в школе начиналось все как будто безобидно – с хихиканья за спиной. Затем в ход пошли прозвища из разряда

«толстуха» и «жиртрестка», но вишенкой на торте стал мой девятый день рождения, когда мальчик, который мне сильно нравился, и я отважилась признаться ему в чувствах, посмеялся надо мной, при всех наших одноклассниках назвав жирной коровой.

Глава вторая. Программа мести

В девятый день моего рождения я поняла две вещи. Первое – парни, в каком бы возрасте они ни были, любят исключительно глазами. Вот сколько книг ни перечитала, а читала я очень много, не было ни одной любовной истории, чтобы какой-нибудь принц влюбился в страшную прыщавую толстушку. Ну, если говорить не о современных интерпретациях, а классических сказках. Там принцессы худые, утонченные, с идеальной кожей, прямо-таки ангельской внешностью. И разве это не жуткая дискриминация?

С малых лет детям вбиваются дурацкие стереотипы, загоняющие девочек-подростков в жуткие комплексы. И что же это получается?! Что не слишком симпатичная девушка с лишним жирком и проблемной кожей не может рассчитывать на то, чтобы ее искренне полюбил какой-нибудь принц?! Она так и растет с этим убеждением, чувствуя себя недостойной чего-то большего.

Второе осознание – мне нужно срочно худеть. Нет, не для того, чтобы поддавшись стереотипам, постараться превратиться в героиню из сказки и очаровывать принцев. Прощаясь с доброй наивной плюшечкой, я хотела одного – утереть нос тому, который сказал, что такая жирная корова, как я, понравится разве что полному идиоту. При этом не просто сказал, а опозорил перед всеми нашими одноклассниками,

которые припоминали этот случай до конца учебы.

Одноклассник Паша в нашей школе сразу стал самым интересным парнем. Да, девочки тоже любят глазами. Паша был той еще симпатяжкой, да и родители у него банкиры, спонсоры школы. Весьма привлекательный мальчик с хорошей родословной, но очаровал меня он не внешностью и богатством, а своим поступком, когда на новогоднем утреннике в первом классе танцевать пригласили всех девочек кроме меня. До сих пор помню, как одиноко сидела в углу, недоумевая, что со мной не так, а Паша подошел и пригласил на танец. И это был невероятно доблестный поступок настоящего принца на белом коне. Я сразу же влюбилась, искренне, как могут только дети, и до четвертого класса не сомневалась, что Паша – моя судьба. Вот только ошиблась, через несколько лет мое детское сердечко было разбито.

Впрочем, раскисать я не стала, меня невероятно подбадривала мысль, что, когда я изменюсь, став принцессой достойной Паши, так же, как он сделал со мной, опозорю перед всем классом, размазав, словно нежнейший крем по ароматной свежеиспеченной воздушной булочке... А так как я изначально обладала довольно неплохими вводными данными – светлыми волнистыми густыми волосами, серо-голубыми большими глазами, обрамленными длинными ресницами, правильными чертами лица, а еще колоссальным упорством, начала свою программу мести войной с лишними килограммами.

Первое, что я сделала, когда прискакала из больницы с костылем на одной ноге, так это выгребла из холодильника все любимые мной продукты и голосом взрослого человека, познавшего всю боль этого мира, предупредила родителей, что худею. Особенно маму, чтобы она больше не готовила мне пирожных и тортов!

– Плюшечка, ну что же ты такое удумала?! – всплеснула тогда руками мама. – Этот мальчик просто дурак, ты же у нас такая симпатичная и... – она хотела ущипнуть меня за пухлую щечку, но вовремя передумала.

– Согласен с мамой, принцесса, – поддержал супругу папа. – Это дело твое, можешь, конечно, попытаться, но... – встретившись взглядом с мамой, папа замолчал и спешно ретировался, а я тогда поняла, что родители в меня не верят. И это стало дополнительным стимулом доказать не только Паше, но и им, что я смогу изменить свой образ жизни и отказаться от одного из самых любимых жизненных радостей – сладкого. Пока гипс не сняли, я штудировала научную литературу, а когда моя сломанная нога оказалась на свободе, приступила к интенсивным спортивным тренировкам.

Раньше в моей жизни спорта не существовало совсем. Без одышки я еле поднималась лишь на второй этаж, стометровку пробегала самой последней, сталкивалась с проблемами в выборе одежды, так как все симпатичное и модное, шили на размеров пять меньше моего. Так что требовалась довольно серьезная работа в плане не только включения в жизнь спор-

та и контроля в еде, но и несения обороны, так как родители и дедушка с бабушкой то и дело норовили соблазнить меня какой-нибудь конфеткой. Мол, съешь одну штучку, хуже не станет... Но больше всего я боялась сорваться, поэтому еще больше погружалась в свою вторую радость после сладкого мира – книги, узнавая новое, перечитывая старое.

Самым страшным для мамы было то, что я откажусь от еды. И хоть она об этом не говорила, я все и так прекрасно видела, как она следит за каждой моей поднесенной ко рту ложкой, а после трапезы ходит хвостиком, чтобы проконтролировать, не побегу ли я в туалет освобождаться от еще не успевшей перевариться пищи. Похоже, научную литературу на тот момент мы с ней читали одинаковую, поэтому мамины опасения не были беспочвенными.

И хоть избавляться от непереваренной пищи – самый простой способ сбросить линий вес, худеть таким образом я не собиралась. Обратной стороной такого похудения являлся сильнейший вред для желудка и множество психических расстройств, поэтому я избрала дедовский проверенный способ – физические нагрузки. При этом, на радость маме, в пище я себе не отказывала, разве что подкорректировала меню, убрав из него все сладкое и жирное, собственно говоря, любимое.

Худела я невероятно медленно, весы несколько недель колебались в одном и том же весе, хорошо, что новый не набирала. Я перестала пользоваться лифтом, стала бегать по

утрам и вечерам, считала калории. Обнаружив проблемы с лишним весом, на которую у меня раньше словно бы глаза были закрыты, я заставила себя полюбить физкультуру, несмотря на насмешки окружающих, беря от занятий все, что те могли дать. За сорок минут я успевала и на скакалке растрястись, и за мячом побегать и обруч покрутить, и подобие пресса покачать. Но всего этого явно было недостаточно, по расписанию урок физкультуры всего раз в неделю, а мне требовались ежедневные нагрузки.

Не иначе как чудом мне удалось уговорить родителей на дорогостоящую покупку – беговую дорожку. Сразу ее купить скромный бюджет не позволял, зато через пару месяцев в нашей семье эта чудо-машина появилась. Теперь тренироваться я могла очень долго, даже пренебрегая уроками. Без передышек я могла заниматься час, два, иногда три, доводя себя до изнеможения...

Но через месяц родители забили тревогу. Из книг мне было известно, что людям с повышенным весом нужно быть осторожными с большими нагрузками, велик риск столкнуться с проблемами сердца. А когда моя читающая мама тоже это узнала, решила не дожидаться подобных проблем. Тогда-то нависла реальная угроза лишиться самого дорогого, что у меня было на тот момент, – беговой дорожки. И чтобы снять с той всякие подозрения, мол, дорожка ни капли не вредит моему здоровью, в присутствии родителей я бегать на ней перестала.

Глава третья. Фиаско

Таксист помог погрузить мой чемодан в багажник и сел обратно на свое место. Домофон мелодично запищал, из дома явно кто-то собирался выйти, наверняка какая-нибудь такая же впечатлительная, как и мама, соседка. Увидит, позовет остальных и... На голове даже волосы зашевелились. Прежде чем кто-то еще успел застать данную сцену расставания, я, спешно чмокнув маму в щеку, с невероятным усилием отстранилась и юркнула в такси.

С папой целоваться и обниматься мы не стали, хватило кивка. К тому же он сдерживал маму, которая рвалась следом за мной. И когда машина тронулась, и вправду, вырываясь из рук супруга и обливаясь слезами, побежала по дороге.

– Остановиться? – спросил таксист, косясь в зеркало и, без сомнения, собираясь дать по тормозам.

Мама понеслась за машиной, замахала руками, что-то закричала, а папа бежал за ней. Можно было бы подумать, что мы что-то забыли, но нет, просто мама у меня излишне эмоциональна.

С раннего детства она носилась со мной, как курочка-наседка, не замечая, что чем старше я становлюсь, тем сильнее стараюсь высвободиться от удушающей опеки родительницы. В свои почти двадцать четыре я впервые покидала отчий дом. А все из-за того, что для мамы любой мой отъезд

являлся настоящим ударом, и она находила способы меня оставить рядом с собой. Чаще всего ссылалась на плохое самочувствие, один раз даже придумала несуществующую болезнь. И хоть я уже неоднократно пыталась вырваться из насиженного семейного гнезда, каждый раз жалела маму, оставалась.

Возможно, она наделась, что сегодняшний день не станет исключением, но я для себя твердо решила не вестись больше ни на какие провокации. К тому же мой отъезд был остро необходим, ведь останусь, и неминуемо случится что-то нехорошее.

Мама ошибочно считала, что одна я не справлюсь, что совершенно несамостоятельна и не приспособлена к жизни. В отличие от папы, который давным-давно, еще в мои девять лет, узрел внутри меня крепкий непоколебимый стержень. Еще бы, ведь вместо того, чтобы опустить руки и отчаяться, когда после изнурительных тренировок не было видно долгожданного результата, я упорно продолжала идти к цели.

И проявила находчивость, когда нависла реальная угроза лишиться беговой дорожки. Альтернативой, о которой почему-то раньше не подумала, оказалась наша старая и добрая школьная лестница. И пока, собравшись всей семьей, домашние считали, что я на факультативе по шитью, бегала по ней вверх-вниз до закрытия учебного заведения и обнаружения, вечно недовольного, бурчащего одну и ту же фразу охранника:

– Опять ты за старое, Абрамова...

При этом таким же тоном он бурчал и на других школьников, которых ловил с сигаретами и алкоголем. Правда, тех он сразу же отводил к директору, а меня просто выпроваживал вон из здания, грозя пальцем.

Мое упорство дало первые ощутимые плоды спустя полгода. Если раньше, теряя килограммы в начале недели, я могла снова набрать их к концу, то сейчас процесс реально пошел. Каждый месяц я стала терять по килограмму, наконец-то узнав на собственном опыте, что значит иметь талию.

И в то время, пока я словно змея, сбрасывающая кожу, избавлялась от лишнего жира, Паша, которого я все еще планировала размазать, как масло по булочке, стремительно набирал вес. И к девятому классу, когда мои пропорции стали практически идеальными, из худого и стройного паренька превратился в неотесанного увальня, имеющего настолько большой живот, который не позволял полностью придвигаться к парте.

Также Пашу всегда обволакивал специфический запашок, стоящий из дорогого парфюма и удушающего пота. Это как зайти в раздевалку парней сразу после занятия физкультурой и забрызгать все одеколоном. Только в нашем случае в раздевалку бегать не приходилось, Паша стабильно занимал парту в центре класса, и пахучее облако расползалось в равных пропорциях по всему помещению.

Впрочем, учитывая, что Паша из богатой семьи и как

неоднократно выражался, что без его родителей наша школа «давно бы загнулась», учителя, дыша через раз и почаще открывая окна, награждали парня дежурными улыбками, балуя хорошими отметками, к получению которых, к слову, парень никаких умственных затрат не прилагал. Одноклассницы хоть и поглядывали с некоторой брезгливостью, на свидания ходили с большой охотой. Да и парни дружбой не пренебрегали, регулярно одалживая что-нибудь у Паши.

Насчет же своей новой внешности и лишних килограммов парень ничуть не комплектовал, хвастаясь дорогими гаджетами и брендовой одеждой, а также заверяя каждого, что доволен своей внешностью и тем, что берет от жизни все, что захочет.

– Ты такой клевый, Пашенька, – подпевали ему фаворитки, с обожанием заглядывая в вечно что-то жующий рот.

Своим девчонкам, с которыми Паша гулял, покупал все, что они только пожелают, вот только менялись они у него как перчатки. Даже создавалось впечатление, что парень их коллекционирует. Все девчонки у Паши писаные красавицы, стройные, ухоженные, надушенные, словно цветочные полянки, но, увы, не перебивающие своими благовониями устойчивый Пашин запашок. При этом, зная, что отношения длинными не будут и на любовь до гроба рассчитывать не придется, каждая в школе отчаянно мечтала, чтобы парень обратил на нее внимание, и хоть недельку она побудет его девушкой.

Свою программу мести я осуществила в десятом классе, когда ко мне подплыло это обрюсшее чудо и позвало погулять. И хоть класс был не в полном составе, я не сомневалась, что до остальных сарафанное радио донесет, что я отказала первому парню на районе. И практически слово в слово озвучила все то, что Паша сказал мне семь лет назад.

Я не ожидала, что он вспомнит, убежит прочь в слезах, не различая дороги, столкнется с самокатчиком и сломает в нескольких местах ногу, как это сделала я. Конечно же нет! Но я все же надеялась, что в мутноватом взгляде откормленного поросенка хоть на миг промелькнет крупинка сожаления. Увы, но тщетно.

– Ну и дура, Абрамова! – хрюкнув, усмехнулся Паша, а затем крикнул нашей однокласснице: – Котова, идем сегодня в кино! – и поплыл к своему месту.

Одноклассница, чьего имени Паша, скорее всего не знал, так как обращался ко всем своим девчонкам исключительно по фамилиям, видимо, чтобы не запутаться в многочисленных Машах, Катях и Светах, расцвела в лучезарной улыбке, поймав на себе не один завистливый девчачий взгляд. На меня же и вправду, как на дуру покосились.

Сожалела ли я о том, что отказалась погулять с Пашей, лишившись хорошей возможности прикупить в гардероб модных вещичек?! Мы с родителями никогда не жили богато, деньги доставались нам с большим трудом, и, в отличие от Паши, мы знали им цену. И я лучше бы умерла от голода,

чем продалась бы этому зажравшемуся, причем, в прямом смысле этого слова, борову.

Сожалела я лишь о том, что моя программа мести претерпела фиаско, не принеся Паше заслуженного позора.

Глава четвертая. Смысл жизни

Жизнь, лишенная смысла, когда горящий внутри свет внезапно гаснет и неизвестно, когда снова загорится, загорится ли вообще, весьма неприятная штука. Вернувшись из школы после случившегося разговора с Пашей, который я ждала долгие семь лет, чувствовала себя совершенно опустошенной. У меня словно пропал к жизни всяческий интерес, и несколько дней я провела в некоторой прострации, задаваясь одним единственным вопросом: «Что я сделала не так?»

Затем руки сами собой потянулись к трудам по философии, загоняя в еще большее упадническое настроение, но при этом помогли ответить на основной вопрос: «Дело вовсе не во мне!» Тогда-то в ход пошла и психологическая литература, вместе с ней мы принялись искать новый смысл моего существования. Потянулись долгие изнурительные месяцы в выпускном классе.

Паша за это время подходил ко мне несколько раз, звал на свидания, что довольно неожиданно, ведь парень никогда не бегал за девчонками, предоставляя им самим биться за него, причем в прямом смысле, сталкиваясь в ожесточенных драках, царапаясь и норовя вырвать друг у дружки клок волос погуще.

Еще не в духе Паши предлагать что-то дважды, трижды или, как в моем случае, шесть раз. Видимо, я стала первой

отказавшей ему девчонкой, а Паша оказался не таким уж и бесчувственным увальнем, скрывая за жировыми отложениями задетые чувства. Уязвленный до глубины души парень решил во что бы то ни стало добиться моего согласия на свидание, используя свой единственный козырь – деньги.

С этого момента в моей, казалось бы, до этого безоблачной жизни, начался настоящий ад. Паша принялся заваливать меня подарками, а каждая мало-мальски симпатичная девчонка в школе жаждала оказаться на моем месте. Подарки я не брала, по-прежнему мой ответ в отношении этого увальня был один: «нет!» Страдающий Паша, переставший интересоваться другими девчонками, разве только для того, чтобы вызвать во мне ревность, – зрелище удручающее, поэтому слабый пол счел своим долгом объявить мне войну.

Началось все безобидно – с бойкота. Впрочем, друзей у меня особо и раньше не было, я человек, любящий тишину и уединение, поэтому даже не сразу поняла, что что-то происходит не так. К тому же девчонки вредили сами себе, ведь моя мама – учительница русского и литературы в нашей школе могла бы и оценку завысить моим друзьям. К окончанию первой четверти они поняли свою оплошность, сильно о том пожалели, а затем наша холодная война перешла на новый уровень настоящего вредительства.

Мало того, что в мой адрес посыпались анонимные записки с угрозами, вещи, оставленные без присмотра, бесследно исчезали, а когда находились, были совсем непотребного ви-

да, ко всему прочему по школе обо мне стали расползаться недостоверные гнусные слухи. Я переживала исключительно из-за мамы и ее впечатлительности, поэтому решила рассказать родительнице все честно, как есть.

Мама хорошо помнила историю с моим разбитым сердцем и сломанной ногой, поэтому всецело поддержала решение больше не общаться с обидевшим меня мальчиком, пообещав никакие слухи за чистую монету не принимать. Более того, она предложила помощь в отношении мстительных девиц, готова была пообщаться с их родителями, но я очень сильно просила ее этого не делать, заверяя, что сама справлюсь. Подключение родителей к данной ситуации стало бы поводом для новых слухов, но на этот раз достоверных, о том, что я стукачка. Это я и попыталась объяснить маме, учительнице со стажем, лучше всех на свете знающей о детской психологии, прося не подливать масла в огонь.

И хоть моя наивная мама искренне считала, что я мухи не обижу и от девиц самостоятельно не отобьюсь, все же вмешиваться не стала, но взяла с меня честное слово, когда станет совсем плохо, сразу же к ней обращусь. Но я, конечно же, не обращалась, к тому же терпеть девчачий беспредел предстояло недолго – меньше года.

Впрочем, о чем это я?! Терпеть я ничего не собиралась и, если с анонимными вредителями сделать ничего не могла, то явные огребали у меня по полной. Мало того, что я была острая на язык, так еще и сильная на кулак. Тренировки свои

не бросала, а достигнув желаемого веса, принялась набирать полезную мышечную массу. Благодаря книгам я знала о волшебных точках в организме, куда можно ударить, чтобы не оставить никаких следов от побоев. Так что к окончанию школы моя репутация была довольно сомнительной: с одной стороны, меня презирал практически весь девчачий коллектив, но при этом сильно побаиваясь, а, с другой, я приобрела уйму ухажеров – довольно симпатичных и интересных парней.

И ладно бы у меня появился один друг, с которым мы бы ходили за ручку до выпускного, потом либо разбежались, либо поженились. Так нет же, поклонники у меня сменялись с завидной регулярностью, замарывая и так замаранную ложными слухами репутацию. А отсеивались парни сразу же, как только узнавали, что у Паши на меня виды.

К слову, сам Паша, наконец-то поняв, что подарками меня не купить, взялся за свой внешний вид, в особенности – лишний вес. Вот только не ожидал, что при регулярном посещении спортзала, бассейна и разных помогающих жиросжиганию процедур, похудение дастся не по щелчку пальца. Впрочем, к выпускному парень все же слегка схуднул. А затем признался мне в любви и сказал, что продолжит худеть, наобещал горы всего на свете, лишь бы я согласилась с ним встречаться.

Скажу честно, от Паши, привыкшего с легкостью получать от жизни все, что только захочет, подобного упорства

я не ожидала. Вот как сильно его зацепило! Кажется, он и вправду говорил все это искренне, но я звезд с небес не хватала, прекрасно понимая, получив желаемое, парень довольно быстро ко мне охладеет. Это ведь равносильно тому, как мечтать о какой-то вещи, полгода на нее упорно копить, во всем себе отказывать, а когда желаемая покупка становится твоей, задуматься, так ли сильно она изначально была нужна.

К тому же, я не забыла детскую обиду, укоренившуюся глубоко в сердце, и, не испытывая ни капли сочувствия, по-прежнему сказала свое вызубренное «нет». Тогда Паша заплакал, при этом не просто пустил скупую мужскую слезу, а не стесняясь своего высокого положения в классе, затрясся, словно упитанный суслик. И в нем будто бы промелькнуло что-то от прежнего – хорошего и доброго мальчика, пожалевшего толстушку на утреннике, когда с ней все отказались танцевать. Но поздно, мое сердце жалостью не растопить. Паша, в которого я когда-то была влюблена, давно для меня умер, зато новый смысл жизни родился.

Глядя, как трясется и всхлипывает парень, утирая лицо пухлыми руками, уверяя, что я разбила его сердце, поняла, чем стану заниматься в будущем – начну борьбу с богатенькими бесчувственными мажорами, воспринимающих симпатичных девушек, как вещь, которую можно купить, попользоваться, а затем с легкостью выбросить за ненадобностью. Пусть почувствуют то же самое, что чувствуют все брошенные девушки. Я твердо для себя решила, что буду влюб-

лять в себя подобных Паше, а затем их бросать, разбивая сердца.

Глава пятая. Сердцеедка

Ох, знали бы только родители, что я задумала, точно бы с ума сошли. Они у меня невероятно добрые и отзывчивые люди, мама к тому же излишне эмоциональная. И оба не могли нарадоваться тому, какая я у них стала красавица. Ждали, что со дня на день приведу знакомиться своего жениха, решусь создать крепкую и дружную семью. Но я никого не приводила, и они недоумевали, почему у меня до сих пор нет парня, ведь я просто не могу никому не нравиться.

А я нравилась, но западали на меня исключительно три типа парней. Первый – те самые богатенькие мажоры, совершенно несерьезные личности, привыкшие, что все дается легко, нужно просто пожелать. Второй – парни, состоящие в отношениях, но ищущие утехи на стороне. Иными словами, изменники, которых я считывала на раз и люто ненавидела. Третий – невероятно нудные и бесхребетные парни, как я их называла – маменькины сынки, находящиеся в поиске достойной жены, но только после обязательного одобрения матерью.

Увы, другие парни мне просто не встречались, хоть я была бы и не против познакомиться с независимым и самодостаточным мужчиной, не эгоистом и лоботрясом, который любит труд, уважает женщин, собирается хранить верность одной единственной до гроба, не боится жизненных трудно-

стей и четко ставит перед собой цель. Невзирая на детскую травму и обещание, что никому больше не позволю разбивать своего сердца, я в такого, пожалуй, снова бы влюбилась, встреться он мне. А пока этого не произошло, хотя такой человек вообще вряд ли существовал, разве что на страницах книг, просто плыла по течению, ни к чему и ни к кому не привязываясь.

И вот же глупый стереотип, что блондинки не блещут умом. А если блондинка ухоженная, то вообще пиши пропало. Парни первого и второго типа, а именно мажоры и изменники, в девяноста девяти случаев из ста, подходили ко мне познакомиться, считая пустой и ветреной, легкой добычей на один вечер. И очень удивлялись, что я не готова прямо здесь и сейчас удовлетворить их низменные желания. Единицы отставали, остальным же девяноста девяти ущемленная мужская гордость не позволяла так легко сдаться. Они назначали свидание, убежденные, что я теперь у них на крючке, даже не догадываясь, что все совершенно наоборот.

За несколько лет изучив вдоль и поперек мужскую психологию и имея за плечами солидный список отверженных ухажеров, я будто научилась видеть мужчин насквозь. И чем больше узнавала человеческие пороки, тем сильнее убеждалась, что героиней любовного романа никогда не стану. По крайней мере, со счастливым концом.

План – давать призрачную надежду, а затем ее отбирать, я использовала исключительно в отношении мажоров и из-

менников, чтобы они на своей шкуре поняли каково это, когда твое сердце трепещет от любви, а затем в него будто бы вонзается острая игла. А ведь именно это и чувствовали другие женщины – жены, невесты, подруги, оставленные дома и искренне верящие, что их любимый человек зашивается на работе, а не ходит на свидания с другими девушками.

Я понимала, что для такого мужчины являюсь лишь очередной жертвой, одной из множества, и вряд ли глобально изменю его отношение к жизни, но хотя бы сделаю больно, добавив в копилку легких знакомств негативный опыт. Возможно, в следующий раз он задумается, прежде чем решиться закрутить роман на стороне, когда его дома ждет любящая женщина. А то что, по-настоящему влюбившись, парни порой сильнее девушек переживают разрыв, я знала наверняка. Обычно мне, чтобы в себя кого-то влюбить, хватало пары недель.

В отношении маменькиных сынков, я не преследовала целью их наказывать за бесчувственность. Нет, возможно, они были из тех, которые до конца жизни остались бы верными одной женщине, но при важном условии –невестка должна понравиться их матери.

У таких парней, в каком бы возрасте они ни находились, напрочь отбито собственное мнение, в их жизни все решает мама: что сыночка будет есть, во что одеваться, с кем дружить. И только ей одной и никакой другой женщине известно, что нужно ненаглядному великовозрастному крош-

ке. Убеждена, что у большинства таких парней часть мозга напрочь атрофирована из-за присосавшегося к нему паразита. И хоть я знала, что бывают прекрасные свекрови, несколько моих хороших приятельниц попали в замечательные семьи, где, живя рядом с матерью мужа, царили мир и гармония, вот только в моих случаях такие знакомства заканчивались одинаково. На свидания с таким типом парней я ходила исключительно по фану.

Мало того, что маменькины сынки были невероятно скучными личностями, не имеющими собственных планов на жизнь, так еще настолько избалованными матерями, считающими сыночков лучшими на свете, что абсолютно не видели за собой недостатков. А последних, к слову, у них было выше крыши, причем самым главным, лежащим на поверхности – их всеведущая и всезнающая мать.

Ни о какой счастливой семейной жизни здесь можно не мечтать, разве что смириться, что вас станет трое – жена, муж и его мать, по правилам которой будет построена вся дальнейшая жизнь. В таких случаях материнская зависимость настолько сильна, что, наверное, курильщику со стажем, будет легче бросить свое вредное пристрастие, чем маменькиному сынку оторваться от материнской юбки.

Когда мамы нет рядом, такие парни очень доверчивы и влюбчивы, стоит им лишь улыбнуться, как растекаются, словно будущие блинчики по сковородке, искренне веря, ну пока мама не вправит мозги, что ты и есть его настоящая

судьба. Еще они очень падки на лесть, а на каждое: «Какой у тебя симпатичный костюм», «Какие у тебя красивые ботинки», «Какой качественный у тебя портфель», с благоговейным шепотом будут отвечать: «Мама выбирала!»

Также у парней напрочь отсутствует чувство юмора, они как сами шутить не умеют, так и шутки не понимаю. Сарказм и вовсе воспринимают за чистую монету и на фразу: «У тебя такая чудесная мама, ты уже такой большой, тебе уже за тридцать, ни жены, ни детей, хорошо, что с мамой живешь, и она до сих пор о тебе заботится. Не мама, а сокровище!», ответят: «Да-да, моя мама лучшая!»

Если бы у этих нудных парней не было мам, на которых я страсть как хотела поглядеть, то ни за что не соглашалась бы на следующее свидание. Но любопытство брало верх, и после признания парня в бескрайней любви я сразу же брала быка за рога. Чтобы не дожидаться третьего свидания, даже не знаю, почему, но именно на третьем они звали на знакомство с родительницей, опережая время, я заявляла, что терпеть больше не могу и как можно скорее хочу взять у его чудесной маменьки благословение на наше семейное счастье.

А дальше все следовало по единому сценарию, который, кажется, маменькины сынки находили в каком-то одном источнике, созданном специально для них.

Глава шестая. Воля - не воля

Краснея, бледнея, не веря в свое счастье, парень уносился, чтобы предупредить маму и все подготовить, а на следующий день мы топали на показ. При этом по пути все парни, невероятно нервничая сами, уверяли, чтобы я не переживала, что непременно понравлюсь их маме. Я и не переживала, зная, что будет дальше. И спойлер: за все время моих знакомств с мамами парней я не понравилась ни одной.

Признаюсь, маменькиных сынков мне было искренне жаль, хотелось им помочь, оторвать тридцатилетнего дитятку от материнской юбки, но, увы, спасти хотя бы одного у меня так и не получилось.

Все матери встречались совершенно разные: возраст, образование, статус, финансовое и семейное положение... Можно было бы подумать, что маменькины сынки являются единственными детьми, что женщину бросил муж, она несчастна и привязана к своему единственному ребенку. В таком случае я бы и сама ее пожалела, но все было совершенно иначе.

Одинокую несчастную женщину, для которого сын и вправду являлся единственной жизненной отрадой, я встретила всего один раз и, конечно же, не стала ее испытывать. В основном же матери парней были абсолютно счастливыми и самодостаточными, сильными и властными личностя-

ми, купающимися в ласке и заботе, регулярно выезжающими на море и состоящими в браке с верными мужьями, не смеющими даже одним глазом покоситься в неверную сторону.

Их же любимый сын – далеко не единственный ребенок в семье. У него могли быть не только сестры, но и братья, давно живущие отдельно собственными жизнями. И сколько семей я ни посещала, до сих пор ломаю голову, почему одним везло получить самостоятельность, а другим нет. Возможно, все дело в характере парня, а рожавшая и воспитывающая его мать, как никто другой лучше вычисляла из семейства слабое звено?!

Я тоже следовала сценарию – сразу же сообщала маменьке, что безумно люблю ее сына, что завтра же мы подаем заявление в загс, а затем съезжаем на отдельное съемное жилье. Тут-то начинался основной акт представления – охи, ахи, вздохи, закатывание глаз. Мать, хватаясь за сердце, елейным голоском безвинного ягненка, которого вот-вот собирались принести в жертву, лепетала о том, что ее любимый мальчик не посмеет бросить ее одну на старости лет. При этом, как правило, женщине было не больше пятидесяти, у нее имелись и другие дети, а за столом в данный момент тихим зайкой сидел другой безвольник – муж. Нет, никого это не смущало.

Вместо того чтобы включить самостоятельного мужика, перепуганный не на шутку сыночка принимался лепетать, что никогда не бросит мать, что мы будем жить с ней до са-

мого конца. Звучало зловеще, так как непонятно, чей конец наступит быстрее... А услышав эти заветные слова, женщина моментально приходила в себя, награждая меня взглядом победителя, явно говоря: «Смирись, у тебя не было ни малейшего шанса забрать мое золотце!»

Но это еще не конец представления, наступал заключительный акт. Поднимаясь на ноги и гордо выпячивая грудь, мать звала сына «на серьезный разговор» на кухню и походкой королевы удалялась. Прихвостень, пошаркивая, семенил следом.

На кухне, не понижая голоса и не заботясь, услышу я или нет, маменька начинала вправлять сыночке мозги. Она заверяла, что в качестве жены я, конечно же, не гожусь, но, если ненаглядному пупсику хочется со мной поразвлечься, то, так уж и быть, она не против, чтобы я пожила с ними, но, разумеется, без росписи. И чтобы я даже не думала претендовать на их драгоценное имущество, нажитое непосильным трудом. И пусть золотце не волнуется, она сама подыщет ему достойную невесту.

Возражать пупсики не смели, а когда, вдоволь нашептавшись, возвращались в гостиную, меня в квартире, разумеется, уже не оказывалось.

Хорошо, что я абсолютно равнодушна к чужому мнению. После гнусных сплетен, распущенных по школе, а после и универу, я слово бы приняла волшебное противоядие пофигиста. И плевать, что говорят остальные, главное, что правда

такова, что я хранила незапятнанную девическую честь.

Возможно, это старомодно и всему виной перечитанные мной по сотне раз романы золотого века, но на близкие отношения я пошла бы только по большой любви и с законным мужем. Поэтому, прекрасно понимая, что могу нарваться на неприятности, всегда соблюдала основные правила безопасности: никогда не ходила на свидания в безлюдные места, не принимала от парней дорогих подарков, оплачивала за себя все билеты в кино, театры, музеи, носила в сумке перцовый баллончик и в кафе ничего себе не заказывала, исключая возможность что-то мне подсыпать в пищу или напиток.

Более того, всем прекрасно известно, что недоступная девушка, не позволяющая парню лишнего, – тот еще триггер для мужского самолюбия уверенного в себе самца. Я этим прекрасно пользовалась, так как, имея достаточно привлекательную внешность, подогревала жгучий интерес своей недоступностью. И пока парни верили, что без проблем охмурят меня на следующем свидании, сорвут-таки с конфетки обертку, добравшись до начинки, я могла вертеть ими как хотела. И хоть обо мне говорили разное, я не меркантильная охотница за кошельками. Финансовая сторона вопроса меня никогда не интересовала, я акцентировала внимание исключительно на сердцах, а убеждаясь, что парень по уши влюбился, сообщала о том, что нового свидания у нас больше не состоится.

Объявление о разрыве все, независимо от типа парня,

воспринимали по-разному. Кто-то тяжелее, кто-то легче. Неудавшимся ухажерам я писала одно и то же – что повстречала своего человека, выхожу за него замуж и прошу меня больше не беспокоить. А так как денег у парней я не брала, отвергала все подарки, за исключением дешевых чисто символических сувениров, предъявить мне им было нечего.

Меньшинство безмолвно смирялось, принимая удар, но большинство парней продолжали мне написывать и допытываться, чем мой новый избранник лучше его самого. Тогда-то я перечисляла заготовленные заранее характеристики своего выдуманного парня мечты. После этого солидная часть ухажеров, узрев-таки свои недостатки и то, что до моего идеала им не дотянуться, отсеивалась.

Для самых упрямых, которые все же решались потягаться с моим мифическим будущим мужем, я приберегала вишенку на торте в виде фотографии их жены или девушки, найденную в интернете. А если жены или девушки не было, что редко, просто кидала контакт в черный список. На этом все наши дальнейшие переписки заканчивались.

Стоит отдать должное парням, какими бы разными они ни являлись внешне и по характерам, они никогда не скатывались до того, чтобы делать мне гадости. Конечно, в самом начале, курсе на первом, у меня появился опыт общения с несколькими отбитыми на голову, но дальше пустых угроз дело не доходило. Со временем я и вовсе обзавелась опытом отсеивать неадекватов еще до того, как они со мной загова-

ривали.

И ведь все было так хорошо, пока...

Глава седьмая.
Настоящее свидание

– Так остановиться? – подал голос таксист.

– Нет! Езжайте дальше, я сильно опаздываю! – ответила я.

Возможно, сказала резко, заставив мужчину оторвать взгляд от зеркала дальнего вида и с некоторым осуждением взглянуть на меня. Но не прошло и нескольких секунд, как осуждающий взгляд сменил иной – изучающий. Но я сделала вид, что этого не заметила, уткнувшись в телефон.

Ничто не предвещало беды, пока пару недель назад я не познакомилась с очередным парнем. Случилось это в художественной галерее. Мы с коллегой по работе как раз искали картину для рекламы, и одна нас привлекла.

Ее автором оказался скромный и очень симпатичный юноша, находящийся неподалеку. И пока моя коллега обсуждала с ним детали сроков заказа, авторских прав и прочей рабочей рутины, парень не сводил с меня глаз. Было очевидно, что я ему сильно приглянулась, да и он тоже мне понравился, внутри даже что-то йокнуло, а в голове сработала безумная мысль, что, возможно, я наконец-то встретила того самого. Но пообщаться не получилось, так как нам с коллегой срочно пришлось ехать в агентство за какими-то бумагами. И хоть с парнем мы телефонами обменяться не успели, до-

говорились на свидание в моем любимом кафе через пару дней. Не знак ли?

Со мной что-то случилось, я совершенно не сентиментальный человек, но внутри будто что-то поломалось. Мало того, что я стала рассеянной, что даже испортила два важных договора, которые в срочном порядке пришлось переподписывать на другом конце города, так еще мысли всякие в голову лезли. И не просто мысли... Мечты!

Перед самим свиданием я нервничала так сильно, как никогда в жизни, полдня подбирала подходящие макияж и прическу. Впервые что-то подобное я испытывала в свой девятый день рождения, когда на праздник планировал прийти весь мой класс. Было забронировано кафе, организован сладкий стол, а я, влюбленная дурочка, собралась признаться Паше в любви. И хоть я прекрасно знала, что принцессы из моих любимых сказок никогда первыми не признаются принцам, скрывать чувства я больше не могла. К тому же знала, что Паша нравится не только мне, и чтобы не упустить шанс, пока парня никто не увел, набралась смелости и...

Одно хорошо, что какие бы болезненные моменты в жизни ни случались, по мере взросления все воспоминания тускнеют. И я помнила свой девятый день рождения уже не так красочно, лишь фрагментами, словно кадры из фильма. Вот скривилось лицо Паши от усмешки и презрения, он крикнул остальным, все засмеялись, словно по команде принялись тыкать в меня пальцами. Не различая дороги, так как

в глазах стояли слезы, сбивая столики, я бросилась к выходу, чудом не упала с крыльца, зацепившись ногой за ступеньку. А затем в меня врезался здоровый дядька на самокате, несшийся с такой скоростью, что я со своими солидными габаритами с тротуара отлетела на дорогу, словно невесомая пушинка. Дальше последовала страшна боль, но, кажется, я не кричала. По крайней мере, в тот момент ничего больше не услышала и не увидела, так как уши заложило, а в глазах потемнело. Спустя какое-то время я стала различать отдаленный гул сирены и голос папы, повторяющего раз за разом, что все будет хорошо.

Хорошего в том, что мою ногу собирали практически по кусочкам, и я чуть не осталась хромоножкой, немного, но то, что в остальным все цело, весьма неплохое известие. Как сказали врачи, не будь я столь упитанной, последствия могли бы оказаться гораздо плачевнее, одной ногой я бы точно не отделалась, а тут стала для самой себя подушкой безопасности.

Жуткий конечно опыт, но видимо, он был мне необходим. Собираясь на свидание и испытывая знакомый трепет, спустя аж пятнадцать лет, я искренне надеялась, что на это раз все обойдется, и на этот раз калекой я не останусь.

Я не из тех, что верит в любовь с первого взгляда, судьбоносную встречу и прочую ерундень. Все это создано для оптимистов, а таким пессимистам, как я, всегда наперед следует просчитать возможные негативные последствия. Но ра-

зум настолько помутился, поглощенный глупыми мечтами, что я искренне надеялась, что парень окажется моей второй половинкой. Ну, а если нет, мы просто разбежимся.

Печально, но меня постигло разочарование. При более длительном общении, оказалось, что парень, конечно же, не моя судьба, далекая от идеала мужчины мечты. На первом же свидании он принялся рассказывать о своей жизни в таких мельчайших подробностях, что, быстро заскучав, пропуская многое мимо ушей, я стала подумывать о том, как бы закончить общение.

Жил он со своей с бабушкой в однокомнатной квартире, официально нигде не работал, периодически участвовал в художественных выставках, но был убежден, что рисование – не его призвание, а всего лишь хобби. Чем же он хочет заниматься по жизни, пока не определился. Жил на высылаемые состоятельным отцом деньги из-за границы. И да, в двадцать семь лет у него не было девушки, ее парень тоже искал, видимо, в свободное от поиска смысла жизни время.

Когда речь зашла о девушке, парень заметно оживился и решил рассказать о своем идеале. И со мной – миниатюрной блондинкой, он взахлеб делился, что мечтает встретить высокую жгучую брюнетку с формами. Задело ли меня это?!

Ладно, опустим обиду за то, что дни перед свиданием вела себя как влюбленная дура, сама виновата. Как и то, что полдня делала макияж и завивала кукольные локоны. Злило другое – кажется, впервые, не считая Паши, меня собира-

лись отшить. Карма, кажется, добралась и до меня. Печально, правда, что таким образом мстила мне за мажоров и изменников, ну да ладно, они ведь тоже люди... И мужественно принимая удар, решила: во что бы то ни стало первой свернуть свидание.

– Знаешь, мне нужно... – подала я голос, косясь в сторону дамской комнаты.

Сбегать со свиданий мне приходилось несколько раз. Если в туалете не было окна, я терялась в толпе, если было, то выбиралась через него прежде, чем приходила охрана, явно решившая, что я сбегаю, не оплатив заказ. Впрочем, себе я редко что-то заказывала, а значит, и оплачивать не приходилось, но именно сегодня, как на зло, решила раскошелиться на плотный ужин. И сбегать, не оплатив, я, конечно же, не собиралась.

– А чем ты занимаешься? – закончив о своей девушке-мечте, внезапно спросил парень. При этом смотрел он на меня так, словно его и вправду это интересовало.

Даже если я неправильно что-то поняла и являлась в его глазах единственной блондинкой, которая смогла бы потеснить в его сердце образ жгучей брюнетки, я ни за что не согласилась бы с парнем на второе свидание. Возможно, я тоже подвержена стереотипам, но жить в двадцать семь лет в однокомнатной квартире с бабушкой, не иметь постоянно работы и элементарной цели в жизни – та еще жесть. И хоть в свои двадцать четыре я тоже жила с родителями, но у меня

хотя бы была отдельная комната, множество работ, а уж про цель я вообще молчу.

Глава восьмая.
Опасный поклонник

Честно скажу, данное свидание получилось самым странным из всех, которые у меня были. Парень, заглядывая мне в глаза преданным щенком, оперся подбородком на руки, готовый к тому, чтобы внимательно слушать.

– Да так... – допивая сок, ответила я и поднялась на ноги. – Работаю. Кстати, уже опаздываю.

– Работаешь по субботам? – удивился он. Вот не пойму, толи он хороший актер, толи... Нет-нет, я не могла нарваться на психа, я же их за версту определяю! Мотнув головой, отгоняя прочь нехорошую мысль, я достала из сумки кошелек, засунула деньги под тарелку и ответила:

– И по воскресеньям работаю. Побегу. На созвоне...

– Но у меня нет твоего телефона... – донеслось мне вслед, но останавливаться я не стала, убегая прочь, убежденная, что на этом все закончится.

Впрочем, это был не конец, а только начало. Парень нашел меня в социальной сети и как ни в чем ни бывало спросил, встретимся ли мы завтра. Я ответила, что моему жениху это не понравится. Но вопроса типа: «У тебя есть жених?» не последовало. Парень просто прочитал сообщение и, решив, что теперь-то уж точно конец, на пару дней я совершенно о

нем забыла.

В середине недели парень вышел на связь, сообщив, что нет у меня никакого жениха. Но не успела я возразить, мол, откуда ему знать, выслал около сотни фотографий, по которым сразу стало ясно, пока я жила своей жизнью, ничего не подозревая, парень за мной пристально следил.

До конца недели он донимал меня сообщениями с новых аккаунтов, так как старые я блокировала. Откуда-то узнал мой телефон, досаждая звонками с неизвестных номеров. Надежда, что парень перебесится и успокоится, таяла прямо на глазах. Когда же несколько дней назад он написал, что собирается покинуть этой бренный мир и за компанию прихватить меня с собой, я обратилась в полицию.

Тогда-то вскрылась неприятность – парень состоит на учете в психоневрологическом диспансере. А еще несколько лет назад уже преследовал одну девушку и слегка переусердствовал, чуть не лишив ту жизни. Теперь он вроде как стал привязным к нашему городу, не выездным, как сказали полицейские и посоветовали мне перебраться в другой город.

Я была в полном шоке, но вовсе не из-за того, что о парне вскрылись столь темные подробности. И хоть это кошмарно, покоя мне не давала другая назойливая мысль – я ошиблась и пришла на свидание к настоящему психу. И почему же не отреагировала интуиция, почему не сообщила об опасности?! В общем, страшный мне позор, но ведь теперь уже ничего не поделать, только смириться. И принять соответствующие

меры.

Так как привлечь к закону неадекватную личность гораздо сложнее, чем обычную, не рассказывая родителям правду, я решила воспользоваться советом полицейских. Возможно, это даже и к лучшему, судьба предоставила мне реальный шанс вырваться из родительского гнезда. И тут уже никакие уловки мамы не сработают, так как на кону стоит моя жизнь.

И вот я наконец-то покидала родной город. Впереди – таинственная неизвестность, причем в прямом смысле этого слова – ведь уезжала я практически в никуда, не имея в другом городе ни родственников, ни знакомых, которые могли бы оказать помощь и поддержку. Ну лучше уж так, чем остаться и раззадоривать психа!

– Вы что-то хотите сказать? – не выдержав, обратилась я к таксисту, боковым зрением подмечая, что мы не едем, а он прямо-таки пожирает меня глазами. Но прежде чем мужчина открыл рот, чтобы ответить, невероятно холодно, даже грубо, произнесла: – Не болтайте, а езжайте!

На подобных взглядах мужчин, каким одаривал меня таксист, я собаку съела. Теперь становилось ясно, почему он сразу выбежал помочь с чемоданом, хотя в эконом-классе подобная услуга не предусматривалась. И все бы ничего, подумаешь, я привыкла к мужскому вниманию, но сразу же приметила возле руля приколотую фотографию женщины с новорожденным ребенком, а на безымянном пальце пра-

вой руки водителя красовалось обручальное кольцо. Поэтому моя грубость была обоснована, терпеть таких не могла. Но таксист, кажется, не понял причину моего столь яростного выпада. Сердито дыхнув, он отвернулся и нажал на газ.

Своему неадеквату я написала, что уезжаю из города, а затем удалилась из всех социальных сетей, сменила номер телефона и на всякий случай создала для родителей легенду, что еду учиться. А так как психология всегда меня привлекала, и я давно хотела получить такую специальность, родители сразу же поверили. Назвала же я им другой город, не тот, куда на самом деле собиралась. Пришлось соврать, предвидя, что неадекватный поклонник заявится к доверчивым родителям, наплетет с три короба, мол, страдает, хочет меня увидеть, а те, по доброте душевной, решат помочь. При этом полицейские и уверяли, что парень вряд ли поедет за мной, но я все же решила подстраховаться.

За родителей я жутко переживала, но, изучив всем отделением наши переписки с неадекватом, полицейские заверили, что моим близким ничто не угрожает, так как ни в одном сообщении парень никогда их не упоминал. И это чистая правда! Хоть я продолжала переживать, пришлось довериться опыту сотрудников, да и вряд ли я смогла бы, не объясняя причин, перевести семью в другой город. А если бы они узнали, что меня преследует неадекватный сталкер... У мамы точно бы инфаркт случился! Про бабушку с дедушкой вообще молчу.

К тому же в родном городе у меня оставались несколько надежных знакомых, которые пообещали приглядеть за родителями. Когда же угроза минует, и можно будет возвращаться, тоже маякнут, впрочем, особого желания снова превращаться в маленькую несамостоятельную девочку, окормляемую заботливой мамой, не очень-то и хотелось.

Нет, я любила родителей, особенно маму, но в последнее время создавалось такое впечатление, что в заботе обо мне, она совершенно забыла про себя саму и то, что есть еще папа. Так что данный отъезд должен был не только сохранить мою собственную жизнь, но и поспособствовать налаживанию родительской. А ведь им еще пятидесяти не было, считай половина жизни впереди, очень хотелось, чтобы они потратили ее на себя. А я, являясь неким препятствием к родительскому счастью, самоустранялась.

Таксист завернул за угол, и вырулил на прямую, как стрела трассу. И по идее добраться мы должны были минут за десять, я даже расслабилась, но тут водитель внезапно зачем-то изменил маршрут, сворачивая на светофоре. При этом, согласно навигатору, трасса была чистейшей – без единой пробки или внезапно случившейся аварии. Сделал мужчина это специально, явно припомнив, что я опаздываю, и посчитал, что, избрав длинный маршрут, отплатит мне за грубость. Когда же у него зазвонил телефон, и я зорким взглядом приметила на экране аватарку женщины с младенцем, мужчина нервно сбросил вызов и покосился назад, где

я безмятежно смотрела в свой телефон, делая вид, что даже не заметила перемены маршрута.

Глава девятая. Конфликт

На самом деле я никуда не опаздывала, а сказала это просто так, чтобы не объяснять, почему мы не станем останавливаться и ждать мою маму. А таксист, тем временем, окончательно пал в моих глазах. Мало того, что, будучи женатым человеком, собирался пристать к незнакомой девушке, так еще решился и на подлость. Когда у него снова зазвонил телефон, вызов постигла участь предыдущего. Раздраженно сопя и продолжая тянуть шею, мужчина явно надеялся увидеть, как я нервничаю и мечусь на заднем сиденье. И искренне удивлялся моему спокойствию.

А что мне волноваться, ведь поездка оплачена по фиксированному тарифу?! Пусть лучше сам волнуется, что выбрал объездной путь, тратя на него лишнее время и бензин.

– Можете остановиться здесь, – предложила я, когда мы наконец-таки подъехали к вокзалу. Падший духом таксист, сразу же встрепенулся и поехал на разворот, чтобы довезти меня до указной изначально точки, потратив на данную манипуляцию еще минут пять собственного времени. Торжественно сверкая глазами, он разблокировал машину и сбросил третий вызов. У меня был выбор просто взять и молча уйти, но я не сдержалась:

– Чем клеиться к незнакомой девушке, лучше бы жене ответили, может что-то срочное!

Перед тем как выбраться из салона, я успела увидеть, как по лицу водителя пошли багровые пятна, и с чувством сохраненного достоинства хлопнула дверцей. Разумеется, с выгрузкой чемодана мне помогать не стали, да я и не ждала, прекрасно справившись сама.

До отправки поезда было еще двадцать минут, можно не торопиться. Особенно учитывая мое осеннее невезение. Почему-то именно на осень падали все глобальные годовые злоключения, а значит ни сегодня, ни в ближайшие два с половиной месяца расслабляться не стоило. Смело можно было бы предположить, что поезд либо задержится, либо вообще не приедет. И я слегка удивилась, увидев пофыркивающий состав на перроне.

Дорога предстояла длинная – восемь часов в пути. Считай рекорд по моим путешествиям. Хотелось надеяться, что все пройдет без сучка и задоринки, но добравшись до своего купе и почувствовав неладное еще в коридоре, а именно жуткий запах еды, я признала, что осень снова победила, заботливо приберегая для меня новый конфликт.

Распахивая дверь купе, я увидела на одной из нижних полок необъятных размеров женщину, которая потрошила гигантскую курицу гриль, занимающую собой весь столик. Напротив на соседней полке сидела весьма грузная девочка-подросток, с явным наслаждением обгладывая куриную ножку и с аппетитом поглядывая на иные ее части. Словно по сигналу обе попутчицы повернулись и впились в меня

недружелюбными взглядами, прямо-таки кричащими, что я их совсем не вовремя побеспокоила.

– Эмм... – растерялась я, реально решив, что ошиблась номером купе и, извиняясь, выскочила за дверь. Однако, через несколько секунд убедилась, что вовсе не ошибалась, а значит пришла не так уж и внезапно.

Снова вошла внутрь, снова на меня сердито покосились.

– Видимо, поедем вместе... – подала я голос и определилась со своей полкой, которую занимала девочка-подросток. Ругаться не стала, втиснула свой чемодан рядом с ее пухлым рюкзаком, невероятно мягко подмечая: – Не буду вам мешать... Кстати, это мое место, – улыбнулась девочке, интенсивно орудующей челюстями, и покинула купе, решив позвонить отцу. При этом я искренне надеялась, что к моему возвращению с трапезой будет покончено, девочка переберется на свое место, а аромат курицы выветрится.

Мама уже почти успокоилась, даже села смотреть сериал. Папа тоже не переживал, был убежден, что я доберусь благополучно, но попросил отзвониться, как только заселюсь в общежитие. Дав обещание выйти на связь вечером, я вернулась в купе. И былые надежды рухнули, так как проветривать помещение никто явно не собирался. Более того, насытившись, дамочка вальяжно развалилась на своей полке, а девочка – напротив нее – на моей. Чемодан же, оставленный мной перед уходом, чудесным образом переместился на верхнюю полку. Кажется, меня вынужденно собирались пе-

реселить наверх?!

В купе появился еще один попутчик – плешивый мужчина лет пятидесяти, мышью разместившийся на другой верхней полке и как-то уж слишком боязливо поглядывающий вниз... Создавалось смутное впечатление, что переехал он наверх тоже не по собственной воле.

И нет, я не имею ничего против толстых людей, ведь и сама когда-то была такой же. И из книг узнала о многих болезнях, ведущих к полноте, так что еще повезло, что именно мой лишний вес был из-за сладкого и мучного, а еще малоподвижного образа жизни. Поэтому осуждать попутчиц в плане их полноты я не могла, но, справедливости ради отмечу, зная, что они толстые, неужели не могли заблаговременно приобрести билеты на нижние полки, как например, это сделала я, имея огромную фобию ездить сверху?! Или хотя бы по-человечески попросить поменяться местами? Но нет, они просто молча взяли и закинули наверх мой чемодан.

Если эти пышные барышни решили, что я испугаюсь их внушительных габаритов и не стану связываться, то очень даже зря. Это я с виду хрупкая, а на самом деле с восемнадцати лет регулярно посещаю спортзал и для своего веса и роста имею достаточную мышечную массу, чтобы дать отпор любому...

Не хотелось начинать жизнь в новом городе с конфликта в пути, однако, что-то мне подсказывало, что он неизбежен.

– У меня куплен билет на нижнее место! – подала я голос,

стараясь, чтобы он не сильно звенел, так как злиться я все же начала. Дотянувшись до своего чемодана, спустила его обратно на нижнюю полку, четко и твердо произнеся: – Я поеду на своем купленном месте!

– Это место моей дочери! – взвилась женщина, явно задетая моим тоном. Хотя странно, на что она вообще надеялась, что я смиренно промолчу вопиющей несправедливости?! Она привстала и, яростно сверкая глазами, прямо таки затряслась от возмущения, восклицая: – У нас тоже билеты куплены на эти места!

Ох, и почему со мной вечно какие-то проблемы?! Лезут наружу из всех щелей, посылая конфликтных людей. А ведь сама я никогда не бываю инициатором ссор. И вообще по натуре пацифистка. Разве что рядом возникает несправедливость, тогда да, готова к ругани и разборкам. К слову, это был тот самый случай, и тяжело вздыхая, не предвещая легкого разрешения конфликта, я спросила:

– Покажете билет?

– С чего бы я должна тебе что-то показывать? – хмыкнула женщина, сразу перейдя на «ты». – Тоже мне краля нашлась?!

Женщина скользнула по мне не только раздраженным, но и завистливым взглядом, и после этого моя жалость в отношении ее полноты, вызванной возможной болезнью, моментально улетучилась. Я еле сдержалась, чтобы не съязвить, что если бы дамочка за собой следила, заметно подняла бы

собственную самооценку, а не стала называть симпатичную и стройную девушку не совсем, чтобы оскорбительным, но все же нелестным словом «краля», в которое она определенно вкладывала недобрый смысл.

Глава десятая. Накладка

Обиделась ли я? Честно скажу – нисколько. И чтобы не усугублять конфликт, сохраняя его в рамках приличий, вежливо заметила:

– Женщина, если у нас с вашей дочкой и вправду одинаковые билеты, то компания обязана...

Закончить мысль я не успела, так как попутчица, резко перебивая и в отличие от меня повышая градус, затряслась и возмущенно заголосила:

– Кто ты вообще такая? Ребенка моего обидеть вздумала?! Сложно что ли на верхней полке проехаться? Обломишься? Тоже мне звезда спустилась, а сама-то вся искусственная, губехи сделала, думала теперь все перед тобой расстилаться будут?!

Вот оно как. Пыталась же вежливо, не доводя до конфликта, а она сразу на личность переходить начала... Внешность у меня, значит, искусственная? Да я сегодня даже накраситься не успела. Впрочем, дискутировать на этот счет не стала, а также упоминать ее накладные длиннющие ногти леопардовой расцветки под цвет облегающих лосин, лишь молча развернулась и покинула купе.

За проводницей вагона пришлось еще побегать. Даже создалось впечатление, что услышав мою просьбу разобраться с проблемной полкой, женщина специально стала меня из-

бегать. Отказываясь идти в купе, чтобы властью сотрудника поезда отбить мое заблаговременно купленное место, либо предоставить другое с нижней полкой, она носилась по вагону из угла в угол, создавая бурную деятельность. Видимо, рассчитывала, что я устану, пойму наконец-таки, что помощи не будет, и поджав хвост, смиренно вернусь в купе.

В поездах я ездила редко, но был у меня один неприятный случай, после которого, отправляясь в дальние поездки, я всегда выкупала именно нижнюю полку. Даже когда те стоили в разы дороже верхних, как, например, сейчас.

– Хватит! – не выдержала я, заслоняя собой проход, когда женщина предприняла очередную попытку к бегству.

– Девушка, дайте пройти, что вы себе позволяете? – возмутилась она, попытавшись меня толкнуть. Впрочем, вовремя вспомнила, что над нами мигает всевидящее око бдительной камеры. И с огромным трудом, сменяя гнев на милость, более-менее вежливым тоном продолжила: – Ну что вы от меня хотите, видимо, произошла ошибка, иногда такое случается, что на одно место продают два билета! – и с тяжелым вздохом добавила: – В чем проблема занять верхнюю свободную полку? Вот если бы места вообще не было...

Проблема была, но рассказывать о ней я не собиралась. С моей стороны все было кристально чисто – купленный билет за нижнее место. Мое право ехать на нем. А если в системе со стороны транспортной компании случилась накладка, извольте решить проблему в мою пользу. При этом я даже не

требовала возврата средств или компенсацию за доставленные неудобства. Нет, я просто просила любую нижнюю полку!

– Я доплатила за нижнее место и поеду на нем! – твердо сказала я, давая понять, что не отступлюсь. – Думаете, перед покупкой билета я не читала договор оферты?

– Девушка, у нас нет свободных мест! – сообщила женщина, повышая голос.

– Разве это мои проблемы?!– повысила и я голос.

– Да что ж вы за конфликтная такая? – всплеснула руками она. – Ребенку места пожалели? Да как вам не стыдно?! У вас совесть есть?

Проводница пытливо всмотрелась в мои глаза, в ее собственных прямо-таки плескалось осуждение. А ведь я и раньше заподозрила неладное, когда сотрудница, только услышав о номере купе, начала меня рьяно избегать. О том же, кто именно занял мое место, я не говорила, а проводница, как оказалось, и так была в курсе.

– Понятно... – спокойно отозвалась я.

Не добавляя больше ни слова, слушая, как мне в след льются осуждающие речи из разряда, какая я бесчувственная, вот будут у меня свои дети, все сразу пойму, пошла обратно по вагону. Но, как возможно могла подумать проводница, не в свое купе, пристыженная совестью, а искать главного по поезду.

Начальником поезда оказался возрастной мужчина, кото-

рый, в отличие от прежней женщины, хоть и был занят заполнением каких-то бумаг, бегать от меня не стал и сразу же выслушал озвученную проблему. Убедившись в подлинности моего электронного билета, он тут же бросил все свои дела и пошел со мной в проблемное купе.

– Доброе утро, предъявите ваши билеты, пожалуйста! – сразу же приступил он к делу, показывая свой служебный документ. Да и по форме сомнений не возникало, что этот человек компетентен в том, чтобы досматривать у пассажиров билеты. Я не смогла сдержать самодовольной улыбки, когда попутчица снова возмущенно затряслась. Отказав мне, ему-то она точно в досмотре не откажет. Однако...

– Мы уже показывали нашему проводнику! – отпарировала женщина. – Мы не обязаны показывать билеты всем сотрудникам!

– Я начальник поезда, прошу показать мне еще раз, – говоря ровно и вежливо, попросил он. – Кажется, по ошибке девушке досталось одно и то же место с вашей дочерью... Если это действительно так, по правилам нашей компании мы предоставим вам другое купе, не переживайте... – обратился он ко мне и улыбнулся. Невзирая на мое испорченное настроение, я улыбнулась в ответ, несказанно радуясь, что мужчина оказался хорошим человеком, и ехать на верхней полке мне не придется!

– М-мы... – глазки-буравчики женщины растерянно забегали, недобро впиваясь в меня, и, махнув рукой на дочь, она

выдала: – Ну это же ребенок!

Мы с начальником поезда синхронно взглянули на ребенка, скорее всего «жеребенка», за пятнадцать минут на пару с матерью прикончившую огромную курицу. И ладно бы речь шла действительно о пятилетнем малыше, с которым можно было бы разделить полку, так нет же...

– Ваши билеты, пожалуйста, – терпеливо повторил начальник поезда, беря протянутый мужчиной с верхней полки распечатанный билет. Женщина же продолжала:

– Как можно быть такими злыми и бесчувственными, а если у меня ребенок упадет с верхней полки, кто за это будет отвечать! Да я вас засужу!..

– Уважаемый, почему вы заняли чужое место? – спросил начальник поезда у мужчины, перекрикивая ор дамочки, яростно трясущей несколькими подбородками.

– Решил не связываться... – пожал тот плечами. – Все-таки женщина... – и совсем тихо добавил: – с ребенком...

– Ясно... – кивнул начальник поезда, возвращая мужчине билет, а затем обратился ко мне: – Ждите здесь, я скоро вернусь!

– Ну что довольна? – закричала на меня попутчица, стоило начальнику покинуть купе. – Обидела ребенка! Бог тебя накажет!

Она кричала много еще чего, но я отстраненно смотрела в окно, коротко вдыхая жуткий запах курицы, да не одной, но оставаясь стоять на месте, чтобы эта крикунья не подумала,

что я ушла не из-за тошнотворного запаха, а из-за того, что ее испугалась. А женщина, чувствуя, что меня никак не задевают ее оскорбления, распалялась все сильнее и сильнее, замолчав лишь, когда вернулся начальник поезда, без сомнения, услышавший данный крик еще издалека. И он больше не улыбался.

– Мы не станем вас штрафовать за безбилетный проезд, выйдете на следующей остановке, а пока посидите в купе вашей знакомой проводницы! – сообщил он.

Глава одиннадцатая. Яжемать

Вот как получается. Они не просто заняли чужие места, но вовсе являлись безбилетными пассажирами. И хватило же наглости так вызывающе себя вести. Другие постарались бы не привлекать внимания, разжигать конфликт и подставлять свою знакомую-проводницу. Теперь же не только мать с дочерью собирались высадить, но и уволить проводницу, нарушившую правило компании, подселив безбилетников на купленные места других пассажиров. Об этом сразу же сообщил начальник поезда, явно намереваясь пристыдить безбилетницу, но, кажется, главной чертой этой дамочки была именно наглость. При этом ее нисколько не волновала судьба подруги, сделавшей доброе дело, которое в в итоге оказалось медвежьей услугой.

– Целых два часа в тесном купе? – ахнула женщина и из рассерженной фурии превратилась в кроткую овечку: – Ну, пожалуйста, войдите в наше положение, я мать-одиночка, знаете, как тяжело одной тянуть ребенка?! Поймите, я же мать!

С яжматерями мне сталкиваться приходилось часто, но всегда, словно в первый раз, я изумлялась их поведению. Они, словно на полном серьезе, считали, что раз родили ребенка, то все им обязаны. При этом данное заблуждение касалось далеко не всех женщин, а исключительных особ, как

правило, скандальных и хамоватых. Например, моя мама никогда не козыряла тем, что у нее ребенок. Как, впрочем, и родители всех моих знакомых. С феноменом же яжматерей такие выражения, что ребенок – цветок жизни и плод большой любви, страшно искажались, делая из последних некую нежелательную обузу, за взращивание которой мамке при жизни памятник ставить нужно, а еще постоянно осыпать деньгами и благодарностями.

В общем, история, шитая белыми нитками, но начальник поезда все же не был злым человеком и смягчился к матери-одиночке:

– Если девушка и мужчина, купившие билеты, не возражают, то вы с дочерью можете занять свободные верхние полки.

– Я не против, – тут же откликнулся мужчина, а вот я ответить не успела, как дамочка, снова, примеряя образ фурии и глядя на меня, воскликнула:

– Будь ты проклята, тварь!

А дальше полился поток отменной брани. Речи явно не для детских ушей, впрочем, дочка дамочки даже бровью не повела, без сомнения, давно привыкшая к подобному поведению матери. А вот присутствующие в купе мужчины узнали для себя много новых фраз.

Стоит отметить, что проклятий я не боялась, ведь, кажется, не было ни одного конфликтующего со мной человека, который не посулил бы всех несчастий и особенно мучитель-

ную смерть в рассвете сил. Эта дамочка не стала исключением, явно не догадываясь, что ее «пожелания» меня ничуть не задевают, и все ругательства – как для стенки горох.

– С вещами на выход! – не выдержал начальник поезда, зажимая руками уши.

Накричавшись и поняв, что я не собираюсь трястись от страха и просить забрать страшные проклятия обратно, а также карабкаться на верхнюю полку, женщина превратилась в безвинную овцу, елейным голоском принявшись упрашивать начальника поезда оставить их с дочкой в купе, даже на верхней полке ехать согласилась. Впрочем, было уже слишком поздно.

Начальник поезда в категоричной форме сообщил, что если они с дочерью немедленно не покинут данное купе, то не только их оштрафует за безбилетный проезд, но полицейские привлекут к административной ответственности за мат в общественном месте и оскорбления в мой адрес.

Поняв, что не прокатило, и жалости к ним больше не питают, дамочка снова переключилась на оскорбления, присоединив к ним и угрозы из разряда: «Мой муж тебя найдет и порешит!» и «Ходи, оглядывайся!»

– То есть вы не мать одиночка? – перебила я красноречивый поток ругательств. – Муж все-таки есть?!

– У меня-то есть, а ты так и помрешь одинокой! – заявила она и, рьяно помахав руками, грозно сообщила, что повесила на меня венец безбрачия. При этом далеко не первый в

моей жизни, но разочаровывать эту сердобольную особу, с таким энтузиазмом призывающую проклятия на мою голову, не стала. Пусть думает, что она – первая «ведьма» в моей жизни.

Вишенкой на торте стала фраза, что ее дочку довели до слез. При этом последняя и вправду слегка всплакнула, но только после увещеваний матери: «Смотри, что ты натворила, мой ребенок бьется в истерике!» Явно ради приличия дочь с трудом выдавила из себя скупую слезу, впрочем, разжалобить этим никого не получилось. Волей-неволей, а купе покинуть им все же пришлось.

Когда же безбилетная нарушительница порядка и «потомственная ведьма в десятом колене» удалилась, первым делом я распахнула окно, прогоняя прочь весьма неприятный запашок.

– Вот сколько живу, а такое со мной впервые, – заметил мужчина-попутчик, перебираясь с верхней полки на нижнюю. – Мне бы вашу выдержку! неужели совсем не страшно

– Страшно? – хмыкнула я. – Это вы про проклятия?

– Ну, мало ли... – пожал он плечами. – В жизни всякое бывает, вдруг она и вправду настоящая ведьма?

– Будь она ведьмой, наколдовала бы себе билет, а не отжимала чужие полки, – отрезала я и твердо добавила: – Бред это все ваши проклятия. Просто вопрос веры, если внушите себе, что они реальны, то так и будет. Поверьте, если бы мы повстречали *настоящую* ведьму, а не женщину, которая не в

состоянии определиться мать она одиночка или самодостаточная замужняя женщина, мы бы сразу это поняли. А сказать, что я ведьма в двадцатом колене тоже могу. Но не факт же, что в это поверят?

– Ну да, ну да... – отозвался мужчина, но, уж, больно неуверенно.

До города мы добрались без дальнейших казусов, в купе нам никого подселять не стали, но я на всякий случай решила подержать оборону и с полки своей не сходить. И вскоре пожалела, ведь, когда уезжала из своего города, погода была хорошей, солнечной и теплой, для начала сентября, практически летней. А тут на перроне, стоило покинуть поезд, как первым дедом меня обдуло таким холодным ветром, пробирающим до самых костей, что сразу же захотелось вернуться в купе. Одета я была легко – в хлопковые капри, шелковую блузку и открытые босоножки и, не выгляни из дверей в этот момент начальник поезда, пожелав мне хорошего вечера, то непременно бы вернулась обратно. Сейчас же стало как-то стыдно, поэтому распрямив плечи и мысленно сказав, что холода боятся только слабаки, помахала мужчине и зашагала к выходу с вокзала, чтобы вызвать такси. Благо место, где я собиралась жить, находилось неподалеку.

Квартиру я сняла заранее, даже внесла половину от суммы в качестве предоплаты. И хоть обычно я из принципа никогда не плачу за услугу, пока ее не получу, тут же положение оказалось безвыходным. В этом городе со съемным жильем

была какая-то панацея – все поголовно требовали плату вперед. Даже показывать жилище отказывались, пока на карточку не упадет энная сумма. Чаще всего половина от стоимости аренды, но хозяйка первой очень сильно понравившейся мне квартиры побила все рекорды по наглости, запросив сумму целиком.

Глава двенадцатая. Золотая лихорадка

Жить отдельно от родителей мне никогда не приходилось, но я искренне верила, что проблем с этим возникнуть не может. В теории все кажется простым – снимаешь жилье и живешь в нем в свое удовольствие. Но на деле непредвиденная проблема появилась уже на самом первом этапе.

Так вот, узнать существует ли на самом деле квартира из объявления в интернете, невозможно не побывав в ней. И я рассчитывала, что внесу оплату за жилье на месте, когда удостоверюсь в том, что не покупаю воздух. Вот только у квартиросъемщиков на это было иное видение и показывать площадь без предоплаты они не собирались. К тому же мое положение осложнялось еще и тем, что я находилась в другом городе.

Первая найденная квартира сразу же понравилась мне больше всего, она практически соответствовала квартире моей мечты, а стоила в разы дешевле других вариантов. Написала хозяйке, а та сразу же потребовала всю сумму за месяц вперед. И хоть прощаться с такой хорошей квартирой не хотелось, я ответила, что не намерена оплачивать то, что не видела собственными глазами. Ведь нет никакой гарантии, что фото реальные, а не взяты с интернета. Вежливо поже-

лала хозяйке всего хорошего и продолжила поиски.

Увы, но из дальнейших предложений, где тоже требовали оплату вперед, правда не всю сумму, ничего интересного так и не нашлось. Я даже успела отчаяться, как первая хозяйка снова вышла на связь и согласилась на то, чтобы я внесла половину от суммы.

Вот тут уже было о чем говорить. В случае неудачи потерять половину денег, нежели всю сумму целиком, не так обидно, поэтому, посчитав это знаком судьбы, я перевела деньги на ее карточку. Скрепя сердце и каким-то шестым чувством осознавая, что об этом пожалею.

Чуйка у меня всегда была хорошей, но работала она исключительно в сторону негатива. Если приближалось что-то плохое, я чувствовала это задолго, а вот что-то хорошее всегда становилось для меня сюрпризом. Учитывая же, что на дворе осень – пора сплошных несчастий, очевидно, что подвоха ждала всегда.

Как я уже говорила, мы были небогатой семьей. Мама – простая учительница, папа водитель автобуса, дедушка с бабушкой пенсионеры. Деньги у нас не водились, а если и появлялись, то, как правило, тратились очень быстро. Отнюдь недоброй семейной традицией стало то, что в дни родительской зарплаты какому-нибудь знакомому из окружения срочно требовалась помощь. То у маминой подруги срочная операция, то у папиного друга пожар, то... В общем, сложно сказать, пользовались ли родительской добротой их прияте-

ли или у них и вправду случались все эти множественные беды, но папа и мама, ничтоже сумняшеся, всегда раздавали то, что имели, при этом не в долг, а просто так – безвозмездно. Для нашего же современного времени давать деньги просто так кажется чем-то утопическим, но на самом деле мои родители такими и были – не от мира сего.

Наверное, они рассчитывали, что я пойду по их стопам, хоть в глубине души без сомнения понимали, что такого никогда не будет. В отличие от них я знала цену деньгам. То, как тяжело они достаются и как легко их потерять. Друзья, получающие помощь от моих доверчивых родителей никогда даже не заикались о том, чтобы вернуть сумму, хотя бы ее часть. Принимали как должное, а вот когда у нас самих случались непредвиденные ситуации и срочно требовались деньги, те самые люди, которым родители всегда безвозмездно помогали, без охоты одалживали незначительные суммы. Некоторые же вообще дошли до того, что давали деньги родителям под проценты.

Верить людям я перестала давно. Не хотелось быть такой же наивной, как родители. Привыкшие к тому, что у нас можно взять деньги и их потом не отдавать, к нам продолжали обращаться за помощью, вот только если в детстве я молчала, то повзрослев, делать это перестала. Пришлось провести с родителями серьезную беседу, а так как моим главным козырем являлась угроза, что если в нашей семье ничего не изменится, я съеду, мама и папа пообещали деньги никому

больше не давать, разве что в долг и под заверенную нотариально расписку. Потребовался всего месяц, чтобы бывшее окружение родителей сократилось до нескольких знакомых.

А сколько раз было в школе, что даже на мои карманные крохи, с трудом хватающие на завтраки, зарились более обеспеченные одноклассники. Обещали вернуть долг, но редко это делали, поэтому в старших классах я никому ничего больше не одалживала. И к увещеваниям о том, как у кого-то сильно болен котик и ему нужна срочная операция или бабуле необходимо купить лекарство, иначе она умрет, относилась скептически, делая вид, что ничего не слышу. Иногда не выдерживала и ловила собеседников на лжи, когда предлагала самой сходить в клинику и заплатить там за котика или лично купить лекарство бабуле. Как итог – просящие резко сливались.

Никогда не понимала родителей и не видела ничего хорошего в том, чтобы два месяца копить на сапоги или теплую куртку. И это еще, если повезет, и скопленная сумма не уйдет раньше в помощь страждущим. Я мечтала стать богатой, приобрести все, что только захочу. Помню, был период, когда я в школьные годы в тайне от родителей тратила все свои карманные деньги на лотерейные билеты, экономя на завтраках, с трепетом стирала защитный магнитный слой, раз за разом обнаруживая, что снова ничего не выиграла. Помню, как злилась, недоумевала, почему одни богаты, а другие нет. Это ведь так несправедливо!

Впрочем, довольно скоро пришло осознание, что богатая семья не всегда является счастливой. Как любил повторять папа – деньги это зло, а большие деньги – большое зло. Приходилось согласиться, так как на примере Паши я видела, что делает богатство его родителей с девчонками, жаждущими легкой наживы. И я внезапно стала подмечать, что там, где водятся деньги, особенно большие, не существует таких понятий, как дружба и честность. Богатые (в большинстве своем) – эгоцентричные, завистливые, злые и жадные личности, которых за глаза люто ненавидишь, а в глаза – лицемеришь.

Лизоблюды наводнили не только наш класс, но и школу в целом. Здорово дружить исключительно с состоятельными людьми, а вот бедняки всегда становились поводом для насмешек и издевательств. И лучший способ выбиться из грязи в князи – прилипнуть к какому-нибудь богачу и раболепно ему служить.

Также восемьдесят процентов нашего класса к окончанию школы мечтали стать раскрученными блогерами, вели свои каналы, довольно агрессивно прося всех знакомых подписываться и ставить лайки. Остальные двадцать процентов, в основном девочки, планировали удачно выйти замуж за какого-нибудь богатея. В старших классах об учебе практически никто не думал, заразившись известной болезнью под названием золотая лихорадка. Благо я никогда и не стремилась следовать за массой.

Глава тринадцатая. Мошенники

Возле подъезда, заблаговременно снятой и наполовину оплаченной квартиры, меня уже ждала хозяйка. То, что она не опоздала и вообще пришла – весьма хороший знак. А вот то, что стояла покачиваясь и переминаясь со с ноги на ногу – весьма плохой. Как и то, что опуская все приветствия, дыхнув приличным таким перегаром, она звякнула связкой ключей и хрипловато заявила:

– Вот ваши ключи! Вторую часть, как и договаривались, наличкой.

Дама в нетерпении протянула свободную от ключей руку, явно в надежде, что я суну в ладошку конверт. Женщина была высокой и худой, с припухшим лицом, мутноватыми глазами и залегшими под ними темными кругами. Очевидно, человек пьющий. К чем-то подобному я была готова, ведь никогда не строила воздушных замков. И даже не особо расстроилась, ощутив себя беднее на сумму внесенной предоплаты.

Ну что же, тут уже ничего не поделать. Возможно, стоило уйти прочь. Я хоть квартиру никогда не снимала, ознакомилась с правилами данной процедуры. При благоприятном раскладе перед вручением ключей мне должны были показать жилище и ознакомить с договором аренды. А уж потом я приму окончательное решение. К слову, опять же при нор-

мальных условиях, откажись я от жилья, предоплата должна была бы вернуться, но очевидно, что не в данном случае. Согласна, уйти проще всего, но ведь это не в моем характере. Игнорируя протянутую ладонь, я заметила:

– Мы *договаривались*, что вначале я посмотрю квартиру.

– Я очень тороплюсь, разве вы не можете сами все посмотреть? – весьма раздраженно отозвалась женщина. – Номер квартиры вам известен.

– Идемте, – ответила я довольно грубо, тоном, не предполагающим возражений.

Честно скажу, с дороги я очень сильно устала, а еще замерзла, но бдительность не потеряла, убежденная, что любой обман всегда должен быть раскрыт, а мошенник наказан! Но прежде чем писать гневное сообщение на сайт бронирования жилья, следовало все же убедиться в существовании квартиры. А уж потом, имея доказательства, требовать, чтобы аккаунт мошенницы заблокировали. Также, имея ее данные, я могла обратиться с заявлением в полицию. Скрывая невероятную усталость, я покатила к подъезду свой чемодан.

Возле домофона я остановилась, обернулась и увидела как женщина нетвердой походкой плетется прочь. Окликать я не стала, а смысл?

Если честно, странности начались не только на этапе бронирования, когда хозяйка сразу же затребовала полную стоимость за месяц проживания, но и с самим платежом. У дамочки было несколько карточек и ни на одну у меня не полу-

чилось сделать перевод, не получив предупреждение от банка о подозрении на мошеннические действия. И да, нужно было быть полной дурой, чтобы не прервать общение с мутной женщиной, у которой оказалась еще одна карта – личная. Она так и написала: «ладно, кидай на личную!» Очевидно, что она не хотела светить свои персональные данные, но, видимо, решив, что потратила на меня уж слишком много времени, чтобы сдаться и не получить в итоге денег, пошла на крайнюю меру.

Прекрасный звоночек, нет, я бы даже сказала – колокол, чтобы свернуть общение, но я... А что я?! Да известно что – совершила перевод. Но в свое оправдание скажу – время было позднее, уже куплен билет на дневной поезд, да и нервы шалили, будь они неладны.

Одно хорошо – у меня имелись данные дамочки – имя, отчество и номер карты, по которым не составляло бы особого труда вычислить обманщицу. Для полиции вообще раз плюнуть, так что, возможно, именно из-за этого я не сильно расстроилась, убежденная, что деньги скоро ко мне вернуться.

Не скрою, потерять квартиру жалко – на картинке она прямо-таки сказочная – достойным ремонт, просторная кухня, в комнате хорошая мебель. Впрочем, с таким же успехом я могла нарваться на мошенников в любой другой квартире.

Чтобы довести данную историю до справедливого логического конца, я заняла место на лавочке возле дома и при-

нялась ждать, пока из подъезда кто-нибудь не выйдет. И не сомневалась, что рано или поздно это случится. Когда домофон наконец-то запищал, я спешно поднялась на ноги и юркнула в подъезд, поднимаясь на второй этаж.

– Вы к кому? – открыла дверь той самой наполовину оплаченной мной квартиры молодая девушка и сразу же враждебно прищурилась.

– Вы сдаете квартиру? – тоже не став здороваться, ответила я и показала объявление в своем телефоне. И прежде чем девушка предприняла следующий шаг – прогнала меня вон и захлопнула бы перед носом дверь, уверенно продолжила: – Я вчера внесла предоплату за съем данной квартиры, но сегодня поняла, что меня обманули. Я собираюсь написать заявление в полицию, данные обманщицы у меня есть, ее настоящее имя и номер карты, так что привлечь ее сложности не будет. Предлагаю вам присоединиться, если вы не замешаны в данной мошеннической схеме, ведь все-таки речь об этой квартире. Так вы дамочку знаете или нет?

Я показала данные мошенницы, которая, без сомнения, оказались девушке знакома. Неужели они все-таки в сговоре? Глядя на мой перевод, девушка сжала зубы, она явно о чем-то задумалась, по всей видимости, не о приятном. Я тоже проанализировала ситуацию и предположила, что будет дальше – девушка начнет отрицать свою причастность, ведь именно так и поступают преступники, а затем скажет, что я сама виновата. И знаете... будет абсолютно права. Наверное,

все же не стоило подниматься, только выставила себя дурой. И я уже хотела признать ошибку и уйти, как девушка с тяжелым вздохом сообщила:

– Это моя бывшая свекровь... Никак с сынком не успокоятся. Приходят навещать ребенка, а я дура разрешаю, постоянно введусь на их слезы, а потом ключи пропадают и вот такие объявления появляются. Вы не первая...

Признаюсь, я была весьма удивлена такой реакцией.

– Мам, кто это? – выглянул в коридор мальчик лет пяти, любопытным взглядом вперившись в меня.

– Иди к себе, сынок, – обратилась девушка к ребенку, а затем, устало прикрывая глаза, добавила: – Я сейчас верну вам деньги... – и уже собралась было идти в комнату, но я ее остановила:

– Не нужно, я не из-за денег, а из-за принципа. Это же мошенничество, можно привлечь по статье.

– Кого? – усмехнулась девушка. – Оба алкаша, с них брать-то нечего. Папашка алименты не платит, даже суд им не указ... Павлик, иди к себе, сказала же! – строже обратилась она к мальчику, когда на громкий голос матери он снова выглянул в коридор. Она вздохнула и обратилась ко мне: – Извините, просто сил никаких нет. Родители посоветовали продать квартиру и переехать к ним. Жалко, все-таки память о бабушке, но, наверное, придется уехать. Давайте я все-таки верну вам деньги...

– Всего вам хорошего, – ответила я и чуть ли не бегом

направилась к выходу.

Вроде бы ничего плохого я не сделала, но меня не покидало чувство вины. Все-таки не нужно было подниматься...

Глава четырнадцатая. Опасный квартирант

На улице я почувствовала себя значительно лучше. Тянуть с жалобой на сайте не стала, написала в поддержку сразу же по пути, пока плелась в ближайший хостел. А вот в полицию не пошла, не хотелось подставлять невиновную девушку с малолетним сыном на руках. Она оказалась честной и даже готова была вернуть мне деньги, хоть и не имела отношения к афере. Говорило ли это о ее слабом характере, неужели она не могла найти управу на бывшего мужа и его мать? Лично я бы тех даже на порог не пустила!

От прежней боязливой и ранимой пышечки давно не осталось и следа. Я потратила годы, чтобы добиться состояния холодного и расчетливого ума. И сейчас мой ум прямо-таки вопил, что нельзя все это так просто взять и оставить, но не могла же я против воли влезть в чужую жизнь. Не всем же быть такими сильными, как я...

С этой мыслью я добралась до хостела. Входя же через его обшарпанные двери, я внезапно осознала, что никакая не сильная, ведь вместо того, чтобы бороться и отстаивать права на проживание в собственном городе, выбрала легкий и безопасный путь – побег. Наверное, для той девушки спокойствие сына стояло на первом месте, она не хотела впу-

тываться в затяжные разбирательства с бывшими родственниками, чтобы ребенок был тому свидетелем. У меня не было своих детей, но, наверное, я могла ее понять.

Заселившись в номер, я с каменным лицом позвонила родителям, сообщая, что у меня все хорошо, а затем рухнула на далеко не первой свежести матрас и без сил сразу же уснула.

Утром я принялась за поиски новой квартиры. Вчерашнее событие довольно сильно сказалось на моем кошельке, поэтому мне предстояло потрудиться, чтобы снять на первое время более-менее нормальное жилье. Проблема заключалась в том, что большинство арендаторов по-прежнему требовали предоплату. Откликаясь на объявления, чтобы не тратить зря время, я сразу же начина диалог с того, что на одних мошенников уже нарвалась и без просмотра жилья платить никому ничего больше не стану.

Осень – для меня весьма несчастливая пора. Это период всевозможных испытаний и трудностей, к которым, со временем, я даже начала вырабатывать некоторый иммунитет. Нет, избавиться о черной полосы не получалось, но я научилась предвидеть плохое наперед, полностью доверяясь исправно работающей интуиции. Сейчас она молчала.

Спустя часа полтора мне удалось договориться на просмотр. Строгая по телефону женщина оказалась такой же и на вид. Приехала она к четко к назначенному времени, одетая с иголочки, по-деловому, без каких либо намеков, что что-то может пойти не так. Железная леди сразу же ознако-

мила меня с договором, который достала из черной папки.

Омрачалась ситуация лишь тем, что сдавала хозяйка не квартиру целиком, а всего-лишь комнату. По переписке я почему-то этот момент упустила. В любом случае комната лучше, чем хостел с тараканами и клопами, главное, чтобы другой квартирант попался сносным.

Пока мы поднимались на пятый этаж старой хрущевки, женщина деловым тоном все той же железной леди методично озвучивала правила, которые следовало соблюдать в ее жилье.

По всей видимости квартира являлась не иначе как фарфоровой, так как относиться к нему следовало словно к хрупкой вазе. Но меня это ничуть не пугало, ведь я могла быть достаточно аккуратной, к тому же не имела ни детей, ни животных, ни даже комнатных растений. Одним словом, никаких привязанностей.

Заверив хозяйку в своих лучших качествах, я поинтересовалась насчет второго жильца, но женщина, словно бы не услышав мой вопрос, продолжала:

– В комнате электронными приборами не пользоваться, проводка старая, пищу принимать только на кухне, не хватало еще, чтобы тараканы завелись, развели прошлые квартиранты, еле от *них* избавилась.

По ее тону было не совсем ясно, кого женщина имела ввиду – квартирантов или тараканов. По второму кругу выслушав ряд строгих правил и жалобы на то, как ей не везет с

жильцами, вечно ломающими все в квартире, я снова задала вопрос про соседа. И на этот раз мне уже не показалось, хозяйка умышленно замяла ответ. А когда я спросила в третий раз, раздраженно вздыхая, женщина ответила:

– Да какая разница, разве вас это должно это волновать? Вы же за свою комнату платите...

Глядя как она отпирает замки, я разумно заметила:

– Вообще-то это очень важно, ведь с ним придется делить общую кухню и санузел, мне бы не хотелось, чтобы человек оказался...

Но договорить не смогла, так как стоило распахнуться двери, мне в нос тут же ударил едкий запах спиртяги, заставивший закашляться.

С детства я не терпела алкоголь. Родители у меня заядлые трезвенники, поэтому с феноменом алкоголизма я сталкивалась косвенно. И никогда эти встречи приятным не заканчивались. Мало того, что алкоголь обладал жутчайшим запахом, так и свойством открыть в человеке самые такие темные потаенные грани, о которых иногда лучше не знать.

Женщина, выйдя на очередной круг повтора правилах в ее жилье, резкого запаха будто бы не почувствовала, первой вошла внутрь и, сменяя тон железной леди на раболепный шепот, к кому-то обратилась:

– Вовочка, а ты чего вышел? Мы же говорились, что пока я показываю комнату, ты посидишь у себя.

Хотелось развернуться и уйти, но любопытство взяло

верх. Зажимая рукой нос, я заглянула в квартиру, желая увидеть персонажа, с которым эта строгая женщина так ласково разговаривает.

Не верилось, что минуту назад дама на полном серьезе рассказывала о проблемах с прошлыми жильцами, что они не соблюдают ее правила, нарушают чистоту и порядок, ломают сантехнику, мебель. Я ведь реально поверила, что ей просто не везло с квартирантами. Но тут прямо по центу коридора обнаружилось это качающееся чудо, названное с телячьей нежностью: «Вовочка».

Парень был моего возраста, взлохмаченный, словно его током шибануло, с ошалелым взглядом, в приспущенных трениках, с трудом налезающих на необъемных размеров живот, и сальной майке на бретельках. Самое неприятное, что Вовочка попытался, но так и не сумел воспроизвести человеческую речь. На замечание обратившейся к нему женщины он промычал что-то невнятное, а затем, явно чем-то недовольный, ударил кулаком по гардеробу. Дерево страдальчески хрустнуло, и на пол посыпались щепки. Кажется, причина поломок в квартире была найдена, и нерадивые жильцы к ней никакого отношения не имели.

– Это мой внук Вовочка, он вообще очень тихий и... – пояснила хозяйка, поворачиваясь ко мне.

Красочно представив, как это пьяное чудо выбивает дверь в мою комнату посредине ночи, я бросила на стоящий неподалеку стул договор, развернулась и ушла по-английски, на

всякий случай внося телефон данной женщины в черный список.

Вернувшись в хостел, я продолжила поиск нового жилья.

Глава пятнадцатая. И так сойдет

На везение, особенно после предыдущих неудачных вариантов, я не рассчитывала, но буквально за полчаса до выселения из хостела произошло реальное чудо – я договорилась на просмотр целой квартиры по стоимости комнаты. Правда, низкая цена оправдывалась тем, что квартира была выставлена на продажу.

– Не каждый готов въехать в жилье, из которого в любое время могут попросить, – виноватым тоном пояснил мне по телефону молодой человек, являющийся хозяином квартиры. – Если вы согласитесь пожить, то, единственное, что мы вас попросим – показывать квартиру покупателям, разумеется, когда вы будете находиться дома.

Я в это верила, пока не приехала и не увидела все собственными глазами.

Когда-то в квартире жила старушка барахольщица. Не сказать, чтобы чистюля и ратующая за удобства. Она явно не заморачивалась и, по всей видимости, ни разу в жизни не делала в квартире ремонт. Когда вещи приходили в негодность, она, без сомнения, придерживаясь девиза: «И так сойдет!», продолжала себе преспокойно жить с тем, что было.

По итогу получалась неприглядная квартира. Даже я, редко чему-то удивляющаяся, была, мягко говоря, шокирована. Особенно, когда щелкнула выключателем, а он в ответ

на меня грозно зашипел. Помимо этого краны текли, мебель скрипела и разваливалась, пол дыбился, а обои слезали со стен вместе с паутиной. Ко всему прочем, кажется, квартиру не проветривали, так как в ней стоял тяжелый запах вековой пыли, вперемешку с запахами кошек, оставивших отметины на всем, куда дотянулись когтистые лапки.

– Как я уже сказал по телефону, сюда будут периодически приходить покупатели, когда вы дома, нужно будет показывать квартиру, – когда я закончила осмотр, тщетно пытаясь скрыть ужас, сообщил молодой владелец – внук скончавшейся бабули. – В комнате светом лучше не пользоваться, поаккуратнее с кранами, их уже несколько раз срывало, перед уходом лучше перекрывать воду. На кухне периодически пахнет газом, но утечки нет, не переживайте. Но духовым шкафом лучше не пользоваться. Так что... берете? – весело добавил он, явно считая перечисленное секундами ранее сущим пустяком.

Будь у меня деньги я, конечно же, здесь не осталась бы. Даже если бы мне приплатили, но положение вещей обязывало выбирать между хостелом и данным жилищем. К тому же я уже выписалась и приехала на просмотр с чемоданом. Глядя на лениво ползущего по стене средь бела дня обнаглевшего таракана, я отметила, что единственный плюс в квартире – жить мне предстояло бы одной – без всяких там сомнительных Вовочек.

Рядом с парнем стояла его молодая супруга, недобро на

меня посматривающая и явно раздраженная тем, что я еще раздумываю «брать или не брать».

С момента вступления в наследство прошло полгода, а квартиру никто не купил. И это не удивительно, ведь с первого глотка затхлого воздуха и взгляда на будто бы заброшенное жилище возникало острое желание отсюда бежать и никогда больше не возвращаться. Купить же эту однушку можно было только с учетом последующего капитального ремонта. Молодые владельцы вкладываться в ремонт явно не торопились. Более того, они даже оставшиеся вещи после покойной прибирать не стали. Впрочем, мне с барского плеча разрешили: «Если барахло будет мешаться, можете его выбросить».

Барахлом молодые супруги называли ворох пожелтевших газет, журналов, тряпья, залежи картонных коробок из-под молока, яиц, пластиковых и стеклянных бутылок... В общем, квартира в первую очередь нуждалась в уборке, причем, как и в случае ремонта, – капитальной.

Кажется, в изначально заявленную низкую цену входила не только услуга демонстрации жилища приходящим покупателям, но и клининг.

Я слышала о мошеннических схемах, когда квартиросъемщики за свой счет делают новый ремонт, приобретают технику, мебель, устанавливают железные двери (с разрешениях хозяев, разумеется), а потом, надеясь на долгосрочное проживание, оказываются выселенными. К слову, закрепляя

мнение о том, что подобная схема реально существует, супруги заверили меня, что в квартире я могу делать все так, как мне удобно, но, разумеется, за свой счет.

Мрачно оглядев стены, я понимала мотивы молодежи – прибрать квартиру за мой счет. Чего только стоил громоздившийся во всю стену шкаф, откуда прямо-таки выпирали тряпки, рвущиеся на свободу. Я видела единственный возможный вариант – заселиться, ничего не убрать и не чинить. Вслух я произнесла:

– Хорошо, беру.

Мы подписали документы, и я протянула парню деньги.

– Никак руки не доходят починить, – напоследок, как бы между прочим, заметил тот у выхода, когда со страдальческим скрипом отъехала металлическая дверь. – Нижним замком лучше не пользоваться, он заедает. А верхний прокручивается только на один оборот. Если будет желание, можете врезать глазок, нам он не нужен, так что все зависит от вас.

За время просмотра квартиры, а это тридцать минут времени, парень оправдывался тем, что они с супругой заняты ремонтом в другой квартире, но, будь у них время, они непременно бы навели здесь порядок. Конечно-конечно...

Когда молодые супруги ушли, я начала обживаться. При этом, еще разок прошла с телефоном, что бы зафиксировать, в каком состоянии находится квартира: в ванной кран лился ручьем, свет в коридоре трещал и мерцал (явно не из-

за лампочки, а неисправной проводки), допотопный однокамерный холодильник пыхтел так громко, словно готовится к взлету, из вентиляции подглядывали усатые тараканы, а в шкафах таилась моль, прикормленная старыми газетами с тряпками. И это я молчу про плавно слезающие со стен обои, осыпающуюся штукатурку, скрипучий пол и покрытые толстенным слоем пыли все горизонтальные поверхности. Ах да, по потолку проходила глубока трещина.

Впрочем, говорят, что человек такое существо, которое способно приспособиться к любым условиям. Так как в моих интересах было остаться в квартире до того момента, пока я не заработаю достаточную сумму на нормальное жилье, я решила улей сильно не ворошить. Выбрав для себя менее сносный угол я перетащила туда кресло-кровать, и открыла окна проверить помещение. Чтобы из шкафа на меня случайно никто не бросился, а я могла предположить, что в ветхом гардеробе живет не только моль, я все же сбегала в магазин, закупившись стрейч-пленкой, скотчем, клеем и изолентой.

Мне понадобился час, чтобы пройти по квартире и подклеить особенно поломанные вещи, которыми стала бы пользоваться. Все ненужное я сдвинула в сторону шкафа и отгородилась от бардака пленкой, словно шторкой. Вариант – выносить баулы с пятого этажа без лифта мной даже не рассматривался. Оглядев свой труд, я повторила девиз покойной бабули:

– И так сойдет! – и принялась за новое важное дело – по-

иск работы.

Глава шестнадцатая. Воровство

Я предпочла бы работу в каком-нибудь рекламном агентстве, как на моей прошлой, но самой распространенной вакансией, где не требовался злополучный диплом, благополучно оставленный мной дома, и пресловутый трехгодичный стаж работы, был только продавец. По близости как раз располагался супермаркет, и я решила туда сходить. Как говорится на разведку, особо ни на что не надеясь. Впрочем, поход оказался удачным, и с завтрашнего дня мне предложили выйти на работу.

Опыт в небольшом продуктовом магазинчике на должности продавца у меня имелся. Не сказать, чтобы позитивный, так как я столкнулась с неведомым мне доныне феноменом – воровством. До этого я работала в бутике с одеждой и ничего подобного там не было. Поэтому не обратила должно внимания на пункт в договоре о том, что в случае кражи стоимость товаров распределяется между сотрудникам и взымается с них, сочтя его шаблонным в сфере торговли.

Не знаю, возможно, красть еду в магазине проще, чем, например, брендовую кофточку, обвешанную магнитными датчиками, как новогодняя елка на новый год. К тому же в супермаркете значительно больше людей, легче затеряться в толпе. Так или иначе, ощутимые последствия воровства я почувствовала, когда две недели спустя получила первую

часть месячной зарплаты. Она оказалась практически в два раза ниже той, на которую я устраивалась. И нет, меня возмутила вовсе не итоговая сумма, а вопиющий факт несправедливости.

Ругаться с руководством смысла не было, ведь я сама подписывала договор. Также глупо обижать и увольняться, как делали восемьдесят процентов новых сотрудников. Решив, что попала именно в то место, где меня сильно не хватало, я решила объявить войну воровству, так как нашему скупому директору до этого не было никакого дела.

Ситуация усложнялась тем, что в магазине отсутствовали камеры видеонаблюдения, директор наотрез отказывался их устанавливать, считая это лишней тратой бюджета. К слову, своих охранников у нас тоже не было, если что-то случалось, мы звонили в ЧОП, но пока сотрудники до нас добирались, а они как будто специально делали это очень медленно, воришек уже с след простывал. Приходилось полагаться на бдительность самих сотрудников.

Для меня эта работа стала все равно, что отстаивание девической чести. Никогда в жизни я не еще не была настолько внимательна и проницательна. В то время как остальные продавцы рвались на кассу (работу в зале никто не любил, а с кассы шла приличная надбавка к зарплате) я просилась остаться в зале. Все этому очень удивлялись, но с радостью выполняли мою прихоть.

Отсутствие камер и охранников подстегивало мой энту-

зиазм, и к концу рабочей недели я уже на раз сличала воров. Причем, они были совершенно разные, начиная с детей и заканчивая стариками. Количество украденного также варьировалось от одной вещи, до целой тележки продуктов. На один чупа-чупс, стянутый с кассы, или батон хлеба, украдкой брошенный в мятый разорванный пакет, я реагировала лояльно, но вот воровство в крупных размерах спускать не собиралась

Магазинчик у нас был небольшой, много знакомых лиц, чьи повадки я хорошо изучила и точно знала, за кем следить стоит, а за кем нет. Новенькие привлекали мое особенное внимание – их бегающие взгляды, нервные жесты. Я лучше любого металлодетектора считывала намерения к нам приходящих.

Очень удачно, что напротив через дорогу располагался полицейский участок, в котором я обзавелась связями. Проявив настойчивость, мне удалось телефоны сотрудников, минуя пост дежурного, которым в свои смены я звонила несколько раз на дню. В отличие от сотрудников ЧОПа полицейские проявляли оперативность.

Однако представители закона на входе у дверей пугали не всех. Неопытные воришки не рисковали – либо вообще не заходил в магазин, либо, если были уже внутри, избавлялись от товаров, сбрасывая их на стеллажи. многие приходили в себя, возвращали ворованные товары обратно на стеллажи. Но были и особо наглые. В особенности мне запомнил-

ся один мерзопакостный старик с собственной тележкой. Он не был сгорбленным и нуждающимся по внешнему виду, а упитанным, розовощекий и прямым, словно проглотившим кол. А еще он являлся постоянным вечно всем недовольным посетителем.

Во время моей работы он уже несколько раз приезжал со своей тележкой, прогулочным шагом обходил магазин, останавливаясь возле каждого стеллажа и громко сетовал на цены. Кроме меня на него внимания не обращали и тому была причина.

По началу старик весьма раздражал сотрудников, с радостью, словно ждал, вступал в словесную перепалку, привлекая негативное внимание остальных покупателей. Однажды директор стал свидетелем одной перепалки, – увы, но уже к концу разгоревшейся сцены. Не став разобравшись, он занял сторону старика и уволил невиновную продавщицу. После этого все сотрудники взяли в правило игнорировать посетителя – ворчит и пусть себе ворчит. Терять из-за него работу никто не хотел.

Все считали, что дед одинокий и ему просто не с кем поговорить, вот он и ищет себе развлечение, но оказалось все куда прозаичнее, не общение ему было нужно, а продукты. Проведя небольшое следствие, рискуя увольнением, но за правое дело, это была не такая уж и высокая цена, я вывела его на считаю воду.

Старик не просто так привозил свою гигантскую тележку.

Громко сетуя на стоимость товаров, уверенный, что никто не обращает на него внимание, он сметал с полок необходимое товары. К слову, вкус у него был неплохой, внимание привлекали исключительно дорогостоящие продукты.

– Вы что делаете? Воруете? А вы вообще в курсе, что потом сотрудники магазина платят за недосдачу?! – наблюдая за стариком, все же не выдержала я, вступив с тем в диалог.

Дед явно не ожидал быть пойманным с поличным, но, стоит отдать должное его наглости – он не растерялся, раздраженно подмечая:

– Да как вы смеете меня обвинять! Я добропорядочный покупатель! Я же не виноват, что у вас тележек нормальных нет, не в руках же мне котомки таскать?! И вообще, я требую вашего руководства, никому не позволю себя незаслуженно оскорблять...

Старик пошел в атаку, распалившись настолько, что после его ухода (расплатившись за все товары в своей тележке – впервые за всю историю его посещения магазинчика) на меня набросился весь коллектив, мол, зачем я к нему полезла. Но это еще не все – особо добрая коллега побежала донести директору. К огромному разочарованию последней меня не уволили, сделали выговор под честное слово, что впредь от меня проблем не будет. И ни словечка о том, что благодаря мне было поймано много воров. Проглотив легкую обиду, я решила действовать осторожнее.

– Даже не пытайся с этим бороться, воровство – это же

неизлечимая болезнь! – по-дружески шепнула мне одна из продавщиц. – В этой сфере оно всегда было и всегда будет. Ты бы лучше на кассе почаще стояла, того гляди отобьешь зарплату.

Глава семнадцатая. Вызов принят

Меня не волновали деньги, это и я попыталась объяснить продавщице Люсе, которая устроилась сюда именно из-за денег, пока ждала приглашения на собеседование. Она была старше, но несмотря на разницу в возрасте, почти в восемь лет, мы сразу нашли общий язык. Намерения коллеги всегда были чистыми, я знала, что она очень добрый человек, но ее слова, что воровство не лечится, стали для меня своеобразным вызовом.

Я поменяла тактику, признала ошибкой то, что не следует заговаривать с воришками и пытаться призвать их к совести. Видя факт правонарушения, я всегда хотела мирного урегулирования конфликта, подходила, чтобы договориться, рассказывала, о том, что за все украденные товары платят продавцы.

Чаще всего мой миролюбивый шепот воспринимался негативно, хотя я никогда не выставляла этого на показ, убеждаясь, что рядом посторонних нет и услышит меня только вор. Чаще всего люди делали вид, что попросту меня не слышат, внезапно оглохнув сразу на оба уха. Как ни в чем не бывало они продолжали свой воровской поход, нисколько не тронутые тем, что я их разоблачила, но у входа сталкивались с проблемой в виде сотрудников полиции, заблаговременно мной вызванных.

Сотрудников я раздражала практически так же сильно, как и воришек. И без меня у полицейских хватало работы, поэтому пришлось их задобрить, обратившись к приятельнице еще по институту, ставшей журналисткой. В местную газету она написала очень хорошую статью о доблести наших сотрудников в их борьбе с воровством. Статья получила такой положительный общественный отклик, что начальство полицейских поощрило премиями, а вот мой директор пришел в ярость, ведь в статье помимо адреса отделения значился наш магазинчик. Такая реклама ему не понравилась, и я получила второй выговор. Третий – увольнение. Ох и как же некоторые коллеги ждали моего прокола...

Пришлось их разочаровать, ведь я как Золушка из сказки. Не в смысле принца, а работы. Иногда я сама удивлялась тому, что успеваю выполнять все данные задания. Получалось, что слежка за посетителями являлась для меня некоторым приятным бонусом. Так как я работник неплохой, ответственный и исполнительный, директор закрывал глаза на мою деятельность. Смущали его лишь полицейские, с которыми он часто сталкивался на входе. Однажды, поняв, что их снова вызвала я, он решил все же выйти из тени и обсудить сложившуюся ситуацию. Посетителей практически не было, поэтому директор начал разговор прямо в зале, когда я расставляла йогурты.

– Ангелина, ты в курсе, что мне нравишься? – начал он с ходу голосом, явно противоречащим только что сказанному.

И не давая мне ответить, добавил: – Но ты, кажется, этого не ценишь. Ну и чем ты занимаешься помимо своих прямых обязанностей? Это ты опять полицию вызвала?

– Я вообще-то йогурты разбираю! – ответила я, указывая на коробку с товаром. Директор раздраженно фыркнул и уже собрался уходить, но я его остановила, заметив: – Мне не нравится, что из-за воровства у меня урезается зарплата. Я договаривалась с вами на одну сумму, но получила в два раза меньше. В два раза! – повторила я и строго добавила: – Это несправедливо.

Начальник повернулся и задумчиво обвел взглядом прилавок, покусал губу и сказал:

– Хорошо, я все тебе верну. Но при условии, что ты свернешь свою сомнительную деятельность, на тебе поступает много жалоб, и поток покупателей у нас сократился в разы. А еще та статья в местной газете... Да к нам в магазин скоро никто ходить не будет, все боятся! Ты вообще в курсе, что полиция отпугивает посетителей?!

– А зарплаты девочкам? – спросила я, когда он снова развернулся, чтобы уходить. – В общем... – и достала телефон. – Если вы не пытаетесь бороться, я буду делать это вместо вас. К тому же, сократился вовсе поток не покупателей, а воришек. Если бы вы сразу ко мне обратились, а не слушали сплетни, я бы показала вам сотню отснятых видео. Моя вина, что я заговорила с тем стариком, нужно было просто сразу сдать его полиции.

Директор пристально на меня взглянул и со свистом выдал носом воздух.

– Ангелина... – строго начал он.

– С учетом всех проданных на этой неделе товаров недосдача стала в разы меньше! – сообщила я. – Если мне не верите, можете обратиться к Ларисе Викторовне, она первая это подметила.

– Правда? – нахмурился директор, слегка смягчаясь.

– Правда, – ответила я. – Установите наконец же камеры, они окупят ваш бизнес. Это не прихоть, как вы выражаетесь! Это реально работающая штука. Вы в курсе про систему распознания лиц? Она прекрасно внедрена в работу полиции, а воровство – это преступление, а каждое преступление подразумевает наказание. Почему вы наказываете своих сотрудников? Разе это справедливо, что виноваты одни, а отвечают другие?

Я говорила это не эмоционально, но твердо. Слова явно подействовали на директора. Он снова пожевал свои пухлые губы и сказал:

– Ладно, я подумаю над этим предложением. Скинь мне свои видео.

– Как скажете, – улыбнулась я. – Как только закончу со своими прямыми обязанностями и расставлю молочку!

Когда с коробками было покончено, я отошла в сторонку, просматривая вход, где полицейские оформляли воровку. Минут пять я занималась тем, что отправляла из галереи

своего телефона видео, после чего мне поступило весьма паническое сообщение от директора:

– Остановись! У меня уже вся память заполнилась!

После этого неделю я его не видела, а вот старик, о котором уже и думать забыла, явился к нам снова. Причем его даже не смутили полицейские у входа, проверяющие сумочку вполне прилично одетой дамы, умыкнувшей с витрины дорогой алкоголь. С каменным лицом старик прошел мимо них, протарахтев тележкой, и по-обыкновению двинул вдоль стеллажей, затянув свою речь про дороговизну продуктов. Меня он смерил ненавистным взглядом, но я сделала вид, что даже не заметила скандального посетителя.

Спустя полчаса старик укатил из магазина громко ругаясь на то, что государство жаждет смерти всех пенсионеров. Его сумка на тележке, хоть с виду так и не скажешь, была плотно забита разнообразными продуктами. Если бы кто-то кроме меня обратил на это внимание, то увидел бы с каким усилием старик спускал тележку со ступенек. Жаль, что полицейские отлучились, а то бы песенка деда точно была бы спета.

Снятое целиком видео (без сжатия, обрезки и со звуком) я отправила начальнику, никак не комментируя. Снова выслушала недовольство заместительницы начальника – администратора Дианы, которая в отсутствие руководителя являлась главной. Отчитав и обвинив меня в уклонении от прямых обязанностей (она всегда это делала, когда мы встречались), а также, как всегда, заверив, что сегодня мой послед-

ний рабочий день, и она ставит вопрос о моем увольнении ребром, Диана отослана меня на склад за детскими памперсами.

К слову о памперсах, пару дней назад к нам в магазин пришла целая партия, вот только из двадцати упаковок осталось всего две. Три продали, куда делись остальные – загадка. На складе уже все искали. Ну кроме меня, занятой в торговом зале.

Глава восемнадцатая. Борец или преступник

На склад меня, без сомнения, отослали подальше с глаз долой. С Дианой мы не ладили с первого дня. Причин было множество, но главной, как мне казалось, являлась необоснованная ревность. Коллега считала, что директор, на которого она уже давно положила глаз, в меня влюблен. На подобную мысль ее наталкивали подружки – любительницы посплетничать и перемолоть кому-нибудь косточки.

Также масла в огонь подлил тот факт, что мне на днях выдали премию в размере удержанных в первую зарплату дивидендов. Лариса Викторовна, являясь бухгалтером и по совместительству лучшей подругой Дианы, скрывать этого не стала, поделившись известием с явным злорадством. Может быть, и она тоже была влюблена в директора? В любом случае, на данном этапе объединились подружки против меня, и такая «вопиющая несправедливость» просто не давала женщинам спокойно жить.

Последней значительной каплей стало то, что начальник дал мне свой личный номер телефона. Но ведь не каждая продавщица заслуживала подобной привилегии, Диана считала это жутким нарушением субординации. Впрочем, вместо того, чтобы обсудить проблему с директором, решила

выговорить накипевшее недовольство мне. Она даже порывалась забрать у меня телефон. Но для чего? Чтобы самостоятельном удалить номер босса или разбить смартфон? Да она бы сделала и то и другое, правда побаивалась полицейских, с которыми я наладила неплохие отношения. В итоге Диана устрашающе прошептала: «Ты здесь работать все равно не будешь!» и довольно долго со мной не разговаривала.

Диана давно грезила о моем увольнении и прилагала к этому все возможные усилия. Кажется, она мечтала об этом даже сильнее, чем о получении премии. По крайней мере, в то время, пока я присматривалась к покупателям, она бдительно следила за мной, а затем бежала к директору, чтобы на меня нажаловаться. Причина могла быть самой абсурдной, но Диана не теряла надежды, что когда-нибудь прожмет босса. Пока этого не случилось, я продолжала работать, а администраторша – наотрез верить в мое безвозмездное желание помочь коллективу.

Разумеется, просто сидеть и ждать окончания рабочего дня я не стала и решила провести его с пользой, поискав пропавшие памперсы. Склад представлял собой место хаотически разбросанных товаров. Найти там что-то всегда было сложно, не удивлюсь, что некоторые вещи, считающиеся краденными, таковыми не являлись и до сих пор преспокойненько себе где-нибудь лежали на полке. Ни у кого не доходило рук тут прибраться – на уборщице директор тоже экономил.

Иллюзий насчет памперсов я не строила, вряд ли пятнадцать цветных и объемных упаковок просто так могли затеряться, особенно, что искали их всем коллективом, но, разбирая полочки и продвигаясь все глубже и глубже за стеллажи, я внезапно обнаружила в углу несколько раздутых черных пакетов. Они были непрозрачными и, не раскрыв их, содержимое было не увидеть.

Передо мной возникла тяжелая дилемма. Наверное, заглядывать в чужие пакеты было бы поступком вора, но, с другой, стороны, я ведь не планировала ничего красть. К тому же, будь это чьи-то личные вещи, вряд ли их оставили здесь на складе, закинув за стеллажи, словно спрятав, у нас имелось собственное служебное помещение – отдельная комнатка, где мы хранили свое имущество. Это же было что-то другое – новое и весьма подозрительное.

Оглядевшись по сторонам – жест воришки со стажем, я пролезла за стеллаж, мучимая философским голосом совести, вопрошающей: «Так ты все еще борец или преступник?» Мысленно ответив, что только взгляну и сразу же оставлю находку в покое, я распахнула пакеты и ахнула, так как внутри находились упаковки с пропавшими памперсами.

Вопрос «Как такое возможно?» был покрыт мраком. Хотя... Доступ к складу имелся только у сотрудников, а значит... Кто-то надеялся, что в вечном бардаке на складе пропажу не найдут? Или ее *не хотели* находить? Это уже совершенно другое дело! Одно я знала наверняка, будь к этому причаст-

на Диана, она бы меня сюда точно не направила. А значит, следовало доложить о находке ей. Либо...

Я в задумчивости посмотрела на неприглядный потолок. Диана мою сторону точно не займет, еще использует против, вывернет все так, что я не нашла упаковки, а сама и припрятала пакеты. Поэтому прежде чем нести их администраторше, отсняла еще одно видео и послала директору, после чего направилась к выходу.

Внезапно меня окликнули. Ко мне неслась Любка из мясного отдела. Сама она была высокой и грузной барышней, так что пробежка на пятнадцатикилометровую дистанцию далась ей с огромным трудом. Отдуваясь и пыхтя, она враждебно уставилась на меня, а затем на пакеты в моих руках. Ее пухлые ручонки потянулись к находке.

Любка была сторожилой магазина, как и Лариса Викторовна с Дианой. Кадровая текучка была среди новеньких, а вот старенькие крепко держались за свои места. А еще люто выступали против организованной мной реформы. Теперь ясно почему...

– А ну отдала... – угрожающе шепнула Любка, приближаясь и нависая надо мной скалой.

Дородная Любка могла бы прибить меня одной левой. Камер здесь не было, никто бы не доказал ее причастность к убийству. И если бы я находилась далеко от выхода, то, наверное, отдала пакеты, решив, что жизнь дороже пятнадцати упаковок памперсов, но... Я находилась практически в

дверях и выскочила в торговый зал. Нерасторопная коллега, хищно щелкнув зубами, словно акула, следом. Но куда уж ей, меня уже и след простыл, я находилась на финишной прямой к Диане.

– Нашла! – сообщила я, всучив слегка шокированной администраторше пакеты. – Пересчитала – все пятнадцать упаковок. Что делать дальше?

Любку я сдавать не стала. По ошеломленному выражению лица Дианы было сложно понять причастна она к произошедшему или нет, но очевидно, ни памперсов, ни меня она видеть сегодня больше не собиралась. Она сконфуженно щупала громоздкие пакеты, откуда выглядывали упаковки с улыбающимися младенцами.

– Выстави три пачки, а остальные отнеси на склад, – слегка заторможенно произнесла администраторша.

– Снова на склад? – уточнила я. – Не думаю, что это хорошая идея.

– А тебя сюда не думать взяли, – огрызнулась Диана. – Ладно, я сама сделаю, отбери фрукты и не мелькай мне тут.

Диана унесла пакеты, а я, чувствуя, что это еще не конец истории, пошла к фруктам. Там меня и нашла Любка.

– Скажешь кому, урою! – предупредила она грозно.

На следующее утро случилось сразу несколько вещей – памперсы снова пропали (об этом оповестила сообщением Люся, пришедшая в магазин раньше моего), а директор вызвал меня в свой кабинет (о том, не переставая злорадно ска-

литься, деловито сообщила Диана, стоило мне войти в магазин).

Уверенная, что администраторша все же добилась моего увольнения, я твердо решила, что не стану оправдываться. Я сделала все, что было в моих силах, наверное, Люся права, и бороться с воровством бесполезно. Если уж сами сотрудники этим занимаются, чего ждать от посетителей?!

Глава девятнадцатая. Шантаж

– Итак... – стоило мне оказаться в кабинете начальника, начал директор весьма сурово. Но на этом он и закончил, словно не зная, что говорить дальше. По привычке покусал губы, выждал не меньше минуты и, кладя на стол свой телефон и пододвигая ко мне, спросил: – Ты в этом разбираешься, какие лучше брать?

С настороженным видом я подняла его смартфон и увидела страничку сайта, посвященную камерам видеонаблюдения. Ознакомившись с характеристиками и сделав выбор, я вернула телефон директору. При этом тот, не спуская с меня любопытного взгляда, явно о чем-то размышлял.

– Как смотришь на то, чтобы занять должность супервайзера? – спросил он.

– Супер кого? – спросила я.

Что же это было? Меня не увольняли, а предлагали повышение? Если честно с данной должностью я была не знакома, но что-то мне подсказывало, что она уравнивала наши с Дианой компетенции. И я просто не смогла удержаться, чтобы не без удовольствия представить, как исказится лицо администраторши, когда она узнает об этом разговоре. А она точно узнает!

Начальник откинулся на спинке своего кресла, скрестил замком пальцы и сказал:

– Диана сказала, что это ты украла памперсы... – и не дожидаясь моего ответа, продолжал: – Те самые, которые ты вчера нашла и скинула мне об этом видео. Странная ситуация, правда? И зачем тебе было записывать видео, чтобы потом их украсть...

– Вот оно как, – пожала я плечами. После недавнего предложения о заманчивом повышении в должности, вторая часть разговора прозвучала весьма насмешливо. Решили поиздеваться? Хорошо, что с чувством юмора у меня было все в порядке, по крайней мере, с черным уж точно, и я нисколько не расстроюсь, потеряв данную работу.

– Ты ведь знаешь кто *на самом деле* украл памперсы? – повышая голос, спросил он. И словно оправдываясь, добавил: – Дело даже не в самих памперсах, а в том, что в нашем коллективе завелся вор! Сейчас памперсы, завтра дорогостоящая косметика, а послезавтра... В общем, – пригибаясь к столешнице и понижая голос, доверительно шепнул он: – скажи, кто это сделал и должность твоя!

– О, – отозвалась я.

Если честно вариантов было несколько. Я могла бы сдать Любку, которая явно не думала раскаиваться и еще вчера мне угрожала. Также можно было бы соврать, что я не знаю, кто это сделал или же забросить удочку в отношении Дианы. Не ей же одной на меня наговаривать?! Впрочем, ни один из данных вариантов мне не понравился. Почему-то возмутила сама мысль, что директор присматривался ко мне как

к своему шпиону, проще сказать – стукачу. Да еще работой заманивал... – Вы меня шантажируете?

– Боже упаси, – хихикнул директор. – Мне просто нужен свой человек, которому я смог бы доверять. И я все больше склоняюсь к тому, что ты вполне можешь стать таким человеком. А что ты считаешь?

– Если я не назову имени вора, то доверять вы мне не станете? – уточнила я. – И на повышение могу не рассчитывать? Более того, вы меня уволите. Правильно?

– Пойми, я работаю уже давно, у меня есть люди, которым я доверяю. Точнее доверял до твоего прихода. Теперь же ты заставляешь меня в них сомневаться. Но тебя я совсем не знаю и... – он облизнул губы. – Хочу узнать поближе. На новой должности у тебя будет стабильный заработок, свободный график и это не предел. Зависит от того, как ты себя проявишь. Ты же понимаешь, о чем я?

К сожалению, я понимала. Печально, что тема с работы скатилась в иную плоскость. Утором, до прихода на работу, я узнала, что его недельное отсутствие было связано с расставанием с девушкой. Директор, видимо, счел достаточным свозить ее в отпуск в теплые станы, а затем на приятной ноте бросить. Но долго грустить в одиночестве явно не собирался и уже присматривался к новой пассии. Кажется, все же приходилось признать, что ревность Дианы была не беспочвенной, начальник и вправду положил на меня глаз.

– Разумеется, понимаю, – кивнула я, обворожительно

улыбнувшись.

Поднявшись со стула, я покинула кабинет, не останавливаясь, когда он меня окликнул. А дальше прямой наводкой направилась к выходу. В дверях я все же оглянулась, увидев на прежнем месте сияющую Диану и растерянного начальника, застывшего в дверях кабинета. Послав им по воздушному поцелую, я вышла из магазина, чтобы никогда сюда больше не вернуться.

Позже Люся, с которой я продолжила поддерживать отношения, к слову, и поддерживаю до сих пор, рассказала, что камеры в магазине так и не установили, полиция больше не приезжала, и с моим уходом краж снова стало много. Злосчастные памперсы повесили на меня, долго вспоминали недобрым словом, пока неделю спустя не привезли новую партию, которая снова пропала. Не знаю чем уж там Любка полюбила детские памперсы, но она попалась.

Девушка оказалась не шибко умной, схему использовала старую – черные пакеты спрятанные за стеллажом. Причем в том же месте, как и в прошлый раз. Директор решил испытать удачу и, используя мое недавнее видео, в котором я подробно описала место обнаружения пропажи, пошел по следам. Так он и застал Любку на месте преступления. Долго продавщица доказывала, что пакеты не ее, что нашла их чисто случайно и уже собиралась нести в зал, но дело усугублялось тем, что рабочая смена подошла к концу и очевидно, что Любка несла их не в торговый зал, а домой.

Ее уволили, но тут бывшая коллега вспомнила обо мне. Видимо решив, что быть пойманной с поличным, недостаточно, и я приложила руку к ее увольнению. В один из вечером Любка подкараулила меня в темном переулке.

– Это все из-за тебя! – взревела Любка бросаясь на меня со своими кулачищами.

Одного удара бывшей коллеги хватило бы, что бы мне проломило череп, но к счастью спасла быстрота реакции – кулак Любки просвистел в паре сантиметров от моей головы. Но вместо того, чтобы признать неудачу и убежать, бывшая коллега взревела снова и попыталась напасть. И это была ее роковая ошибка, так как гуляла я ни одна, а с безумно любящим меня Бронтозавром – огромный псом моего временного ухажера. Так уж вышло, что парень отъехал по работе на несколько дней в командировку и слезно попросил приглядеть за питомцем.

Любовь между нами была невероятно сильной (разумеется, я про собаку) почувствовав опасность, Бронтозаврик, которого Любка, по всей видимости, не сразу заметила, с угрожающим рычанием на нее бросился. Не укусил, не успел, ведь убегала бывшая коллега так быстро, словно весила не сто килограммов, а пятьдесят.

После этого Любку я больше не видела.

– Подожди, получается, ты могла сдать Любку и получить должность? – спросила Люся, когда мы встретились в кафе, чтобы вместе попить кофе.

Она вскоре тоже уволилась, наконец-то получив свое долгожданное приглашение на работу в компанию. Увы, но так как ни с кем из старых коллег Люся больше не общалась, судьба вредного старика с тележкой, так и осталась загадкой. Не удивлюсь, если он до сих пор ходит «на охоту» в тот магазин.

– Кстати, у меня тут на примете есть одинокий мужчина, хочешь познакомлю? – предложила я.

Глава двадцатая. Депрессия

Сразу после института я целый год (даже чуть больше) трудилась в издательстве. Хоть это не в моем духе, но я строила планы, мечтала и не сомневалась, что нашла лучшую работу на свете, но все разрушилось с приходом нового руководителя. Уволившись и прохандрив какое-то время, я устроилась продавцом-консультантом в бутик одежды. Это произошло случайно, я просто зашла в торговый центр, увидела очередь в какой-то павильон и, решив, что там распродажа, присоединилась к толпе.

Практически все девушки (особенно в депрессии) склонны к спонтанным покупкам, и все (не только девушки) любят скидки. Так как я давно не обновляла гардероба, а одежду предпочитала качественную и приобретала ее подешевле на распродажах, решила, что это знак. К тому же девушки из очереди были одеты весьма модно, прям как я люблю.

– Так, дамы, давайте сэкономим друг другу время, – пока я терпеливо стояла в очереди, тщетно пытаясь заглянуть внутрь, чтобы понять, что именно там продают, из магазинчика вышел лохматый, заросший щетиной мужчина лет тридцати пяти. Одет он был как какой-то бродяга в жутко и растянутой одежде. Хотя штаны, в которых пятая точка находится в области колен, сейчас вроде бы считаются модными... – Для особо непонятливый еще раз объясняю, я ищу

продавщицу в магазин, а не девушку. В данный момент в новых знакомствах совсем не заинтересован, поэтому, если вы пришли сюда из-за этого, можете быть свободны...

Пока он еще не договорил, мимо него на высоких каблуках с весьма оскорбленным видом процокала стройная блондинка. Девушки в очереди обеспокоенно зашептались, но никто из них не сдвинулся с места. Лохматый мужчина недовольно поморщился.

– Подождите, так это очередь не на распродажу? – не выдержала я. Девушки разом ко мне развернулись и окинули презрительными колкими взглядами, а мужчина сказал: – Так, все свободны, ты... – он ткнул в меня пальцем, а затем подманил: – ...за мной!

Ни пренебрежительный тон, ни повелительный жест, ни сам мужчина в целом мне категорически не понравились. Если бы не приглянувшееся платье на манекене, которое я увидела через витрину, когда одна из девушек посторонилась, то даже и не подумала бы слушать этого мужика и куда-то за ним идти.

Это был дорогой магазин одежды. Настолько дорогой, что увидев на платье ценник, я, испытав жутчайшее огорчение, усугубляющее мою депрессию. И уже хотела выбегать обратно в общий холл, но тут на, как на зло, глаз упал на кофточку. Одна, вторая, третья... Депрессия начала отступать, когда я, двигаясь вдоль стеллажа, достигла заветной таблички: «Скидка на все 10%».

– Я не люблю ждать, – в раздражении вернулся все тот же мужчина, найдя меня ощупывающей кофточки. Ему явно не понравилось, что его ослушались, но, подметив мой интерес к кофточкам, добавил: – Все мои сотрудники в конце каждой недели могут выбрать себе за полцены любую вещь.

– Вообще-то я не ищу работу, я просто мимо проходила... – ответила я, не в силах оторвать руку от кофточки, мысленно подмечая, что 50% значительно лучше, чем 10%. А затем мой взгляд упал на обувь – шикарные высокие сапоги. – О!

Я упустила тот момент, как переместилась от кофточек к обуви. Казалось только-только щупала ткань, но мгновение спустя сжимала сапог, стоимостью сложенных вместе родительских месячных зарплат. И это только один сапог, а для комплекта требовались оба...

– Ты не хочешь у меня работать? – весьма удивился мужчина, подходя ко мне. – Ты вообще в курсе, кто я такой?

– Очередной самовлюбленный мажористый папенькин сыночка, открывший свой собственный бутичок? – в лоб осведомилась я, а когда его лицо вытянулось от удивления, хмыкнула: – Угадала? Кстати, могли бы и одеться получше, а еще открою тайну – существует прекрасная штука – называется отпариватель. Заливаете водичку, подключаете к сети, и все складочки и заломчики на одежде чудесным образом разглаживаются... Не люблю хамов, я вам не собачка, чтобы мне тыкать и велеть куда ходить, а куда нет.

Стоит отдать должное, мужчина выслушал и ни разу да-

же не перебил, хоть и возмутился Наверное, отпор ему давали не часто. Стоящая неподалеку продавщица, слышавшая мои слова, ахнула и молниеносно телепортировалась в другую часть магазина. Мужчина же, вместо того, чтобы разразиться бранью, указать мне на дверь, навсегда внося в черный список нежелательных посетителей, протянул руку и, улыбаясь, сообщил:

– Борюсик... Рад что *вы* теперь в моей команде.

– Борюсик? – нахмурилась я, даже и не думая протягивать руку в ответ. – Мда, тяжелый случай...

– Борис Аркадьевич, но для всех просто – Борюсик, – добавил он, явно сдерживая рвущиеся наружу эмоции. – Не люблю это официальщину, я вообще пофигист по жизни...

– Оно и видно, – кивнула я, указывая на его спущенные штаны. – Ладно... – я с огорчением глянула на сапог, собираясь с духом, чтобы поставить его обратно на полку.

– А еще мой каждый новый сотрудник может выбрать себе любую вещь... – сообщил Борюсик и, наклоняясь ко мне, шепнул: – ...абсолютно бесплатно. А учитывая, что я действительно повел себя с *вами* по-хамски, предлагаю выбрать две любые вещи. Абсолютно бесплатно!

– Бесплатный сыр только в мышеловке, – пробормотала я и разрываемая сомнениями покосилась в сторону понравившегося платья. Ох уж эта корыстная жилка. Я ведь не такая! Не такая!..

– Три вещи, и я в команде, – выпалила внезапно, а Борю-

сик просиял и сообщил: – Прошу в мой кабинет.

Наверное, не следовало принимать предложение человека, который в тридцать пять представлялся Борюсиком, был незнаком с отпаривателем и бритвой, а еще страдал манией величия. Борюсик деловито указал рукой направление, позволив идти впереди. И я пошла, провожаемая взглядами продавщиц, трусливо выглядывающие из-за стеллажей.

– В общем так... – сразу же начал Борюсик, прикрывая за собой дверь и прыгучей походкой направился к своему столу. Усевшись на стул и подкатившись к огромному дубовому столу, занимающего собой практически все пространство, не считая книжного шкафа занимающего вторую часть, он зашуршал бумагами, сетуя: – У меня прям сейчас черная полоса какая-то, внезапно уволилась продавщица, кинул бухгалтер, кадровик сидит с гриппом на удаленке, а эти девицы так и норовят ко мне в подружки прописаться, но я то знаю, это все из-за денег и отцовского бизнеса, вот был бы я беден, да на меня ни одна бы не посмотрела, а тут прям дом свиданий какой-то. Нет, я и сам не прочь знакомств, у меня в этом плане все в порядке, девушки мне нравятся, я нормальный мужик, просто сейчас реальные проблемы – вправду нужна сотрудница...

Борюсика я слушала в пол-уха, погруженная в свои мысли. Сейчас они были о сапогах и платье, на которых я уже остановила свой окончательный выбор и теперь размышляла, что станет третьей вещью. Наверное, было бы эгоистично

выбрать все для себя, ведь у мамы в том году разорвались зимние сапоги, а на носу как раз зима...

Глава двадцать первая. Удар по принципам

Пока Борюсик изливал душу, я пыталась вспомнить ассортимент товаров в бутике, мысленно подбирая маме обувь. Если бы нам подошли одни сапоги, и мы могли бы носить их по очереди, я, разумеется, остановила свой выбор на первых понравившихся, к тому же у нас с мамой был один размер обуви. Однако, те крутые сапоги на каблуке, а маме последние противопоказаны, особенно зимой. Не хватало, чтобы родительница снова ногу сломала. Значит, сапог нужно двое. Для меня точно на каблуках, а для мамы... Но нельзя брать и совсем плоскую подошву, во-первых, это ведет к плоскостопию, а во-вторых...

– Але, прием-прием, – Борюсик щелкнул пальцами перед моим носом. – Я даже не заметила, как он вышел из-за своего стола и оказался напротив. – В общем, не могу найти договор, я сегодня в течение дня узнаю, куда бухгалтер его подевал, передам девочкам, а ты завтра заполнишь свои данные и подпишешь, хорошо? – Борюсик поморщился. – Нет, ну это очень странно, ты младше меня, а я буду тебе выкать? Да я даже нашу уборщицу на ты называю, а ей под шестьдесят. Может, все-таки можно на ты, а?

– Ладно, – согласилась я, а затем, окончательно опреде-

лившись с выбором, выпалила: – Я возьму двое сапог и платье.

– Что? – растерялся Борюсик.

– Бесплатные три вещи, – встревоженно напомнила я, испугавшись что он уже передумал. А вдруг все-таки отдаст все же две? Тогда я возьму двое сапог? Или вместо своих сапог платье? Нет, сапоги нельзя разделять с платьем, они смотрятся только вместе! Значит, повременить с сапогами для мамы?

– А, точно, – вспомнил Борюсик. – Выбирай, Настя проведет через кассу, а завтра тогда ждем тебя в девять. Ты же... – мужчина прищурился. – Точно придешь?

– Заберу вещи и кину, – ответила я, а Борюсик нахмурился, явно приняв слова за чистую монету. – Точно приду, в моих планах работать до тех пор, пока не обновлю весь свой гардероб.

– Каждые две недели у нас меняется ассортимент, – улыбнулся босс. – На старые коллекции скидки и до восьмидесяти процентов доходят.

– О, – не сдержала я восторженного возгласа, но быстро взяла себя в руки и поднялась на ноги. Мне просто не терпелось примерить платье и сапоги.

– Единственное... – окликнул он меня на выходе, заставив снова не на шутку заволноваться. – Я не приемлю воровства, если что-то захочется, лучше попроси, но не воруй! У меня по этой части особый пунктик...

– Я не воровка, – ответила я раздраженно и гордо вздернула нос.

Последние две недели после ухода из издательства стали для меня настоящим адом. Родители подробностей случившегося не знали, но не без оснований били тревогу, когда я заточившись в комнате, словно какая-то отшельница, занималась тем, что просто лежала в кровати и смотрела в потолок. Иногда я включала на ноутбуке какой-нибудь ужастик, и под истошные крики и вопли вязала черный объемный снуд.

Я была опустошена и разбита, ничто в жизни меня больше не радовало. Наверное, это была депрессия, из которой выводить меня стали с помощью хвостатых. Прекрасно известно, то всю любят котиков, а так уж случилось, что у нас дома животных не водилось, зато у бабушки с дедушкой была почти целая пушистая орава мейн-кунов. А именно – четыре излишне любвеобильные и приставучие кошки.

Я не верила в звериную терапию, но, когда в мою комнату стали подбрасывать кошек, поняла, что это реально работает. Для начала пыталась вбрасывать их обратно в коридор, но это оказалось бесполезным, так как хвостатых становилось все больше. А вы представляете, что такое мейн-кун? Пускай у нас были только кошки, а не коты, но все-равно, габаритами уступали любой среднестатистической мурлыке. Когда лимит пушистых созданий в комнате превысил мое терпение, а клубки пряжи, как я не пыталась их уберечь, подверглись самому жестокому нападению, решила прервать

свое добровольное затворничество.

– Куда это ты? – застали меня в коридоре родители, когда я впервые за две недели решила выйти на улицу.

– Искать работу! – ответила я наобум не слишком дружелюбно, лишь бы ко мне не приставали с вопросами. Но сразу же стало стыдно, ведь родители взглянули на меня с таким умилением, словно я сказала что-то очень приятное.

В итоге поход оказался пророческим, и я возвращалась не только с работой в кармане, но и пакетами с бесплатными вещами. Первую половину пути из торгового центра преодолела хорошо, была счастлива и воодушевлена, но с приближением к дому, позитив начал сдуваться. Я внезапно осознала, что повелась словно школьница, ради бесплатных вещей подвергнув под удар свои нерушимые принципы. Так получилось, что я устроилась в сферу торговли, хотя терпеть не могла продавцов, считая всех их мошенниками, жаждущими вытянуть из тебя последнюю копейку. Но как теперь поступить?

Дома царила обманчивая тишина. Я знала, что родители таятся и только ждут возможности случайно столкнуться со мной в коридоре. Точнее мама, папа не был на этот счет таким уж стратегом. Родительница же подгадала с невероятной точностью и оказалась перед дверью ровно в тот момент, когда я планировала скрыться в своей комнате.

– Ты уже дома? – позевывая и как можно равнодушнее спросила мама, словно бдительно не ждала моего возвраще-

ния. Наверняка еще с улицы заметила, когда я к подъезду подходила. – Ну как работа? Удалось устроиться?

– Удалось, – ответила я, решив этим и ограничиться, но маме этого явно было мало, и она выразительно на меня взглянула. Пришлось добавить: – Подробностей не будет!

– Но хоть куда устроилась? – обиженно надулась родительница. Рассказывать, что я предала принципы и устроилась продавцом, не стала и, не моргнув, соврала:

– В офис.

Но, конечно, наивно было бы предполагать, что и этот ответ устроит маму.

– Кем? – ласково осведомилась та, глядя на коробку, которую я ей сунула в руки.

– Это допрос? – спросила я достаточно громко, чтобы папа услышал. Как доблестный рыцарь он выбежал с кухни, чтобы по обыкновению за меня заступиться, но мама и так уже давала заднюю:

– Ну что ты сразу нехорошо обо мне думаешь, просто интересно стало, хочу, чтобы тебе повезло с коллективом и... а там есть симпатичные молодые люди?

Ну... не совсем заднюю...

– Нет, все страшные как атомная война, – холодно ответила я.

– Ничего страшного, ведь внешность не главное, – благоговейно прошептала мама, до сих пор не теряющая надежду выдать меня замуж. Она прижала к себе коробку, но даже не

поинтересовалась, что внутри, ведь моя судьба волновала ее сильнее. Без сомнения, мама уже планировала завести старую пластинку о том, что пора бы начать вить свое гнездо, но папа спас ситуацию:

– А что это за коробка?

– Зимние сапоги никому не отдавай, сама носи! – сказала я строго, зная маму. – Извини, пап. Тебе в следующий раз что-нибудь принесу, – обратилась я к отцу, внезапно осознав, что совершенно про него забыла. Но папа, как настоящий мужчина, к обновкам был совершенно равнодушен и, махнув рукой, заметил: – Если кошки больше не нужны, можем их отнести обратно.

Когда я открыла дверь, в комнате одновременно вздыбились четыре пушистых хвоста и выгнулось четыре кошачьи спины. По помещению пронесся рокочущий звук мурлыкающих и явно проголодавшихся мейн-кунов. Я сразу же согласилась:

– Уносим.

Глава двадцать вторая. Бутик

Когда я пришла в бутик на следующий день Борюсика на работе не оказалось, зато девушки-сотрудницы встретили меня весьма приветливо. Они были оповещены, что теперь мы будем работать вместе и первым делом выдали договор.

Самая очаровательная из них – Рита познакомила меня с обязанностями. Точнее попыталась это сделать, потому что я плохо слушала, сначала размышляя над тем, как можно быть такой красивой, ведь Рита казалась безупречной, а затем о том, что мне срочно нужны новые туфли. Когда коллега закончила инструктаж и спросила все ли мне понятно, я кивнула и обратилась за помощью к другой девушке.

Я неохотно сходилась с людьми, а после истории с издательством вообще оборвала все прежние связи, прилично в себе замкнувшись. Две недели я не общалась ни с кем из старого окружения и, глядя на коллегу, внезапно подумала о том, что пора бы обзаводиться знакомствами из новой жизни. Не могу же я до конца своих дней избегать людей? Ну был негативный опыт, ничего, новый станет позитивным.

– Света, – представилась девушка. А дальше повторила все, что говорила до этого Рита, но на этот раз я внимательно слушала.

Меня приятно удивляло добродушие коллег. Я слышала о том, что в женских коллективах работать непросто, там

развита благоприятная среда для сплетен, козней и жесткой конкуренции, но оказалось, что между девочками царили мир и гармония, причем вполне искренние, меня в этом не обмануть.

К доброжелательной атмосфере бонусом шла зарплата, здесь она была невероятно высокой. Если сравнивать с издательством, то там я работала за сущие копейки. Впрочем, боролась – за идею, а не за заработок, здесь же, сразу стало понятно – будет очень скучно. Но, возможно, после двухнедельной депрессии мне и требовалась исключительно мирная и спокойная обстановка.

Все складывалось прекрасно на протяжении недели, как внезапно активизировался Борюсик. Но вовсе не в том плане, что приметил во мне девушку. Стоит отметить, что со всеми своими сотрудницами босс, несмотря на свой инфантильный характер, держал некую дистанцию. Он словно чувствовал ту самую грань, переступить которую значило бы наломать немало дров. А тут вроде решился переступить, позвав меня на «серьезный разговор».

Готовая к чему угодно, я никак не предполагала, что Борюсику банально потребуется собеседник. Скорее – слушатель, ведь босс предпочитал говорить, а я умела слушать. Пообщались один раз, второй, третий, и вот я уже стала его невольной жилеткой для жалоб.

Так как ничего плохого Борюсик не делал, глупо было бы отказывать ему в общении, ведь я только-только начала

обновление гардероба. Пришлось согласиться на посиделки, которые, увы, проводились после рабочей смены и являлись тайным для коллег мероприятием.

Домой я стала возвращаться все позже и позже, что, разумеется, насторожило родителей, особенно маму. Конечно же, она решила, что я хожу на свидания. Она потребовала от меня подробного отчета, не поверив ни единому слову, даже тому, когда я говорила чистую правду, что босс «задолбал».

Борюсик был большим ребенком. Несмотря на разницу в возрасте, а он старше меня лет на десять, по развитию я явно его опережала. Порой босс говорил о таких банальных вещах, что я еле сдерживалась, чтобы не назвать его тупым и уйти, хлопнув дверью. Но пока было рано, в листе ожидания стояли джинсы. Лаконично я пыталась намекать Борюсику, что не очень-то горю желанием тратить свое свободное время после работы на психологические беседы и вообще устаю в конце рабочего дня. Мой намек Борюсик воспринял не так, как я панировала, и стал организовывать наши с ним посиделки в мои нерабочие дни.

Почему именно я? Не легче ли ему нанять психолога, ведь деньги для Брюсика вообще не проблема. Над этим вопросом я очень долго ломала голову. По-прежнему босс не высказывал никаких пошлостей, относясь ко мне словно к сестре. При этом он и вправду несколько раз называл меня «сестренка», а еще Ларисой. Услышав это имя в очередной раз, я не выдержала и спросила:

– Кто такая Лариса, ты меня уже не первый раз ей называешь?!

Помню, как Борюсик страшно смутился, а затем пропал на несколько дней. Сначала я тому порадовалась, ведь в последнее время помимо наших тайных посиделок, мы постоянно созванивались и списывались, потому на третий день молчания босса я всерьез забеспокоилась. Даже написала первой, хотя Борюсик всегда сам проявлял инициативу. Когда он весьма сухо ответил к концу дня: «норм», я решила расспросить коллег о некой Ларисе. Выбор пал на Свету, которая знала о боссе все и с радостью готова была поделиться ценной информацией.

О маме Борюсика ничего не известно, а вот отец являлся известным и весьма состоятельным бизнесменом. Последний год он жил за границей – в Японии, там и работал. С Борюсиком находился в прекрасных отношения. Хоть бизнес отца не касался продажи одежды, и был связан с сетью ресторанов, родитель не препятствовал торговой деятельности сына, но с условием, что тот будет принимать активное участие в их общем семейном ресторанном бизнесе.

– А Лариса? – спросила я.

– Наверное, его очередная пассия, – с усмешкой предположила Света и окунула меня в тему взаимоотношений нашего босса с женщинами.

Оказалось, что Борюсик тот еще бабник, но, ни в одной из наших бесед себя не выдал. Видимо, он каким-то обра-

зом понял, что я рьяная противница запудривания мозгов девушкам, наверное, сама и проговорилась.

Так вот, Борюсик менял девушек как перчатки, но еще ни одна из них не была близка к узакониванию отношений с богатеньким наследником ресторанного магната. Я мрачнела все сильнее, пока Света воодушевленно перечисляла всех девушек, побывавших в объятиях Борюсика. Когда пальцы заканчивались, она принималась за новый круг загибания. Коллега успела перечислить не всех, когда мы увидели входящего в двери своего кабинета вернувшегося босса, и шепотом подытожила:

– В общем, отец велел ему жениться до конца года. Сейчас осень, так что осталось всего-ничего...

Света юркнула к своему отделу, в котором сегодня дежурила, а я просверлила взглядом закрытую дверь, за которой недавно скрылся босс. И не просто босс, а...

– Козлина! – возмущенно произнесла, сжимая кулаки. И как могла этого не почувствовать?! Я, которая на раз считывает парней! Неужели потеряла хватку?! Или легкая нажива затуманила мне разум?!

Я бросила прощальный и одновременно ненавистный взгляд в сторону джинсов, которые планировала выкупить в конце недели. Но сейчас я отказалась от этого намерения в угоду своих принципов и зашагала к двери, без стука входя в кабинет начальника.

Глава двадцать третья. Травма

– Ладно, пап, перезвоню... – прервал разговор Борюсик, когда я приблизилась к его столу и по-хозяйски стала искать на столе чистый листок бумаги. – И как это понимать?!

– Ты в курсе, что я ненавижу таких как ты? – осведомилась я, вытаскивая из подстаканника ручку и весьма агрессивно ей щелкая. Борюсик опасливо глянул на мою руку, на ручку, нервно сглотнул и уточнил:

– Мажористых папенькиных сыночков? – уточнил он.

– Уродов, использующих девушек, – ответила я, вкладывая в свой взгляд как можно больше гнева.

– А ты об этом... – скучающе протянул тот в ответ, откидываясь на спинку стула. Босс не стал отбирать у меня бумагу и ручку, дождался пока закончу с заявлением, а когда я вручила ему заявление об уходе, не читая, разорвал документ.

– Хорошо, пришлю в электронном виде, – ответила я. Развернувшись, уже хотела уйти, но сильный шум за спиной заставил оглянуться. Борюсик сидел на полу и болезненно морщился.

– Споткнулся, – пожаловался он тоном обиженного ребенка. – Ох, как же больно... Я вообще не пойму твоей реакции, я же никого не обманывал. Не чувствую ногу... Ты слишком остро реагируешь, я всех своих девушек всегда предупре-

ждаю. Кажется, это перелом... Что между нами ничего серьезного не будет. Ох... Они прекрасно это знают. Мамочки, как больно... И еще ни одна мне не отказала. Ну кроме тебя, – добавил он, страдальчески морщась.

Очевидно, что Борюсику и вправду было больно. Растянувшись на полу, он дрожал, когда пытался дотронуться до своей ноги.

– Прости, что? – нахмурилась я. – Когда это я тебе отказывала?

– Да я даже предлагать не стал бы... И вообще... – он сердито засопел, а затем, ойкая, попытался подняться на ноги. Я не собиралась его жалеть, но все же, высушивая страдальческие причитания, помогла допрыгать до дивана. А затем сходила в служебное помещение за льдом. – Спасибо, – обиженно буркнул он. – Вообще-то не нужно всех мужиков обвинять, вы сами тоже хороши.

– Это ты сейчас о чем? – осведомилась я, опускаясь на диван. За секунду до того, как я села, Борюсик успел убрать больную ногу и заверещал, словно раненый зверек. Я злорадно добавила: – Болит?

– Еще как болит, – бледнея, сообщил он и добавил: – Ты ведь сама хороша, Линочка, каждую неделю с новым ухажером, а еще пытаешься на меня наехать...

– Прям так и каждую? – хмыкнула я, а Борюсик заворочался и потянулся к столу. С дивана открыть ящик тумбочки было не просто, но он, кряхтя и отдуваясь, сумел с этим спра-

виться и показал мне исписанный блокнот. Прочитав первую страницу, я не поверила глазам.

– Ты больной? – осведомилась я. Мужчина отмечал время прихода всех моих кавалеров. – Тебе делать больше нечего? За девочками ты тоже следишь?

– Не я слежу, а камеры! – с невозмутимым видом ответил босс, деловито указывая на потолок, где мигало всевидящее искусственное око, управляемое им со смартфона.

На камеры он не скупился, в относительно небольшом бутике их было штук десять. То есть даже комар незамеченным пролететь не смог бы. Как дополнительная мера безопасности против воровства – к каждой вещи была приколота металлическая этикетка, а при выходе установлены антикражные рамки.

– О, так эти камеры следят за мной, даже когда меня нет на работе? В свободное время? – воскликнула я, сердито тряхнув блокнотом. Там и вправду были отмечены мои нерабочие дни. Борюсик явно не рассчитывал, что я это замечу.

– Мы тогда задержались, я решил за тобой поехать, – ответил он, потянувшись за блокнотом. – Ты же отказалась в мою машину садиться! Как будто я маньяк какой-то! Вот я и решил проводить... незаметно. Знаешь ли жизнь сейчас такая неспокойная...

– О, то есть ты хочешь сказать, что никакой не маньяк?! – сердито воскликнула я, тряся блокнотом. – Так, за кем ты тут еще наблюдаешь, дай-ка посмотреть, шпион фигов... – с

остервенением я принялась листать блокнот дальше.

Борюсик возмущенно засопел и попытался его отобрать, в итоге снова побеспокоил ногу и завопил, словно при пожаре.

– Это я из-за тебя упал! – обвинил меня босс, хныча словно ребенок.

– По тому, как он описывает боль, похоже на перелом, – ответила я в трубку, когда вызывала скорую помощь. – Да без понятия, просто встал со стула и сломал.

– Я упал, когда побежал за тобой, – обиженно буркнул Борюсик.

– Он упал... – вздохнула я. – Да не знаю сколько лет... тридцать... пять...

– Шесть... – вставил босс.

– Нет, не смогу привезти, ему не пять, а тридцать шесть, спасибо, ждем... – вздохнула я.

– Когда приедут? – жалобно спросил Борюсик. – Так болит... Ты же со мной посидишь?

Он в надежде протянул мне дрожащую руку. До конца рабочего дня оставалось полчаса.

– Мне нужно идти в зал... – ответила я, глядя в молящие глаза мужчины. Вот реально – большой ребенок. – Предупрежу девочек и приду! – тяжело вздохнув, добавила я. Босс просиял.

Вернувшись, мне и вправду пришлось взять Борюсика за руку.

– Ну не злись ты на меня, я правда не сделал ничего пло-

хого. Ты вообще в курсе, что по статистике женщины гораздо коварнее мужчин. Вот с чего ты взяла, что только мы их обманываем, на самом деле...

– Мне уйти? – осведомилась я, а Борюсик захлопнул рот и крепче сжал мою руку.

Через полтора часа приехала скорая и под охи и ахи медики помогли пострадавшему добраться до машины. Вариант – остаться одному, боссом совершенно не рассматривался, и когда дверцы скорой собирались захлопнуть, в панике заголосил:

– Подождите, вы забыли Лину!

К несчастью, меня не забыли, я специально отошла подальше, намереваясь под шумок слиться. Не вышло, великовозрастный страдалец заметил, что меня нет рядом, впав в панику. Медики даже не стали спрашивать, кем я прихожусь мужчине.

– Вот с этого места будет удобнее держать его за руку! – улыбнулась фельдшер – женщина лет сорока, предлагая мне поменяться с ней местами. Кажется, ее коллеги сдерживались из последних сил, чтобы не засмеяться.

Еще через полтора часа мы с Борюсиком выходили из больницы. Прыгая на одной ноге, опираясь на подаренный ему костыль, босс с огромным наслаждением облизывал чупа-чупс, который я ему купила в автомате, не сомневаясь, что конфета порадует большого ребенка. Так оно и случилось.

– И за что мне все это? – произнесла я павшим голосом, глядя на потемневшее небо.

Свою машину Борюсик оставил у офиса, да и вряд ли с поврежденной ступней (у него оказался сильный вывих) мужчина смог бы управлять автомобилем, поэтому пришлось брать такси и везти босса домой. Я очень сильно сомневалась, что он самостоятельно справится с этой задачей.

Глава двадцать четвертая. Рутина

– Уже так поздно, может быть, останешься? – с надеждой спросил Борюсик, когда я провожала его до загородного дома. – Ничего такого, просто поговорим...

– Меня ждет таксист, увидимся... – ответила я, радуясь тому, что попросила водителя подождать, и что впереди меня ждет как минимум пара спокойных недель. И весело добавила: – Поправляйся...

– Позвони как доберешься! – крикнул Борюсик. – И не смей не отвечать на мои звонки. Я буду звонить! Много!

– Ты на время смотрела? – раздался строгий голос, стоило мне войти в коридор. Сразу же загорелся свет. Родители не спали.

– Телефон разрядился, – ответила я.

– Ангелина, скажи честно, у тебя кто-то появился? – максимально требовательно как могла только она одна, спросила мама. Очевидно, что ответ «нет» родительницу бы не удовлетворил. Ее можно было понять, так как в три часа ночи я домой еще ни разу не возвращалась. Поэтому решила признаться:

– Да, появился! – услышав такое, мама ахнула и всплеснула руками, но обрадоваться не успела, как я пояснила: – Ребенок.

– Как ребенок? – воскликнули родители в один голос. Их

зарождающуюся радость, как рукой сняло, появились тревога и искреннее непонимание. Папа в ужасе уставился на мой живот, словно не веря, как смог такое пропустить, а мама замотала головой. Подавив улыбку (все-таки не стоило так пугать родителей), я пояснила: – Мой босс повредил ногу, пришлось везти его в больницу, а затем домой. Он совершенно несамостоятельный и...

– А сколько ему? – с явным интересом перебила мама.

– Тридцать шесть, – вздохнула я.

– О, для тебя как раз... – снова воодушевилась родительница.

– Мама, не для меня, – строго произнесла я и, чтобы закрыть навсегда данную тему, заявила: – Он женат.

– Вот оно что... – сразу же погрустнела мама. Она хоть и мечтала выдать меня замуж, была противницей того, чтобы ради этого разбивать чужую семью. А когда я разделась и направилась к себе, робко спросила: – Линочка, а у него есть друг?

– Спокойной всем ночи! – крикнула я, собираясь захлопнуть дверь, чудом не прищемив кошку, показавшуюся в проходе. – Принцесса, а ты что тут делаешь, мы же всех вас с папой отнесли домой?! – растерялась я, а затем выглянула обратно за дверь, где все еще стояли родители: – Пап, ты снова принес Принцессу?

– Она, наверное, вернулась, – предположил папа, когда, жалобно мяукая, кошка принялась тереться о мои ноги.

– А я же сказала, что не сумасшедшая, у меня действительно охлажденный окорок со стола пропал! – обрадовалась мама, с укором глядя на папу. – А ты мне все ошиблась, да ошиблась. Вот, погляди на эту красавицу! – воскликнула она, сурово ткнув пальцем в кошку. Излишнего внимания, особенно когда дело касалось проступков, Принцесса не любила и, облизнувшись, поспешила скрыться в моей комнате.

– Спокойной ночи! – повторила я, прикрывая за собой дверь.

Следующая неделя выдалась настолько спокойной, что я, изначально рассчитывая отдохнуть от внимания Борюсика, внезапно осознала, что только благодаря нашим с ним встречам, моя жизнь становилась чуточку интереснее. А теперь меня с головой окунуло в рабочую невероятно скучную рутину.

Работали мы двумя командами и сменами – три через три. В моей команде – Рита, Света, Катя и Настя. У каждой из нас была своя зона ответственности, заранее согласованная и утвержденная с Борюсиком в виде графика. По сути, зоны особо ни на что не влияли, посетителей всегда было очень мало.

Простые смертные к нам не заходили. Точнее, заходили, но, увидев космические ценники, сразу же разворачивались и убегали. Прекрасно их понимаю. Бизнес держался в основном на постоянных клиентах. Наша основная задача, как продавцов-консультантов – сделать посетителей нашими по-

стоянным гостями.

Здесь главное было прочувствовать золотую середину, увидеть заинтересованность посетителя в консультации и выйти из тени стеллажа – не раньше и не позже. Пожалуй, это единственное и было интересным в работе, мне нравилось наблюдать за разными реакциями людей – в первую очередь, девочек, не редко пускающих в ход мастерство лести, то есть – лжи. Я вот хоть и не являлась противницей обмана, успешно используя этот прекрасный жизненный инструмент, но была категорически против любого вида дифирамбов. Даже не знаю, в какой именно период во мне возникла такая острая неприязнь, но именно на этой работе я включила ее в список своих принципов.

Более того, я не видела смысла в этой лжи, ведь часто случалось, что после хвалебных отзывов о том, как купленная вещь шикарно смотрится на даме, она прибегала на следующий день и требовала возврата денежных средств. Некоторые даже хотели компенсацию за понесенный позор, так как знакомые шика не оценили и даже посмеялись над вкусом женщины.

Шла вторая неделя болезни Борюсика, за которую он ни раз посетил свой бутик. Зато, как и обещал, часто мне звонил, а еще пристальнее прежнего следил за камерами. Если раньше в ожидании посетителей можно было позалипать в телефончик, но тут все – баста. Видимо, босс дома тоже скучал, поэтому развлекался тем, что отслеживал камеры,

став невероятно строгим к дисциплине сотрудниц. От скуки я уже хотела на стенку лезть и всерьез подумывала о том, что пора бы и честь знать... Уволиться, в общем.

Последняя мысль возникала все чаще, вот только как сказать об этом Борюсику?! В конце рабочей смены, подходя к своему дому, я набрала босса по видеосвязи. В квартире сделать этого я не могла, ввиду любопытной и излишне эмоциональной матери. Пока я объясню, что это и есть тот самый женатый босс, мама успеет себя накрутить, а меня страшно опозорить.

– Ну и как там твоя нога, скоро обратно на работу? – спросила я, когда Борюсик жизнерадостно заулыбался в камеру, а я присела на лавочку у подъезда.

– Привет, Линусик, – явно обрадовался он, – наверное, еще недельку поболею, спешить некуда, к тому же вы и сами прекрасно справляетесь, без меня даже более ответственными стали...

Ну да, ну да, если бы Борюсик был менее наблюдательным, работать, да и жить, стало бы значительно легче. По дружбе я хотела попросить его сбавить обороты с надзором и забросить удочку насчет того, что подумываю об увольнении, как за спиной мужчины нарисовалась блондинка практически в неглиже и, глядя в камеру, протянула:

– Борюсечка...

Появление этой полуголой девицы дня нас с боссом стало явной неожиданностью. Точнее Борюсик-то, без сомне-

ния, был в курсе, что в его доме находится данная барышня, но никак не ожидал, что девушка полезет в камеру во время разговора. Я же – просто была в шоке. Поводом к нашей недавней ссоре стало именно то, что Борюсик – бабник. Я собиралась уволиться еще тогда, но пожалела босса, после этого к данной теме мы больше не возвращались... И что же получалось? Горбатого могила исправит?!

Сбрасывая вызов и вскакивая с лавочки, я в праведном негодовании пометалась возле подъезда. «Да пусть живет как хочет, но без меня!» – решила я и отправила Борюсику сообщение: *«Заявление о моей уходе найдешь у себя на столе»*. Хотела убирать телефон, но все же дописала: – *«Козлина!»*

Глава двадцать пятая. Второй шанс

Спала я отвратительно. Как будто Борюсик был первым «козлиной» в моей жизни?! Не первым и не последним! Но может быть я влюбилась?! Эта мысль сильно напугала, но хорошенько проанализировав ситуацию, в особенности свои чувства, потратив на это большую часть ночи, пришла к выводу, что отношусь к боссу исключительно как к непутевому ребенку. И вообще... Какое мне до него дело?! Пусть поступает как хочет!

На следующий день я пришла на работу очень рано исключительно для того, чтобы воспользоваться отсутствием Борюсика и оставить заявление. По обыкновению хотела забрать ключ от магазина на охране торгового центра, но оказалось, что бутик уже открыт.

– В смысле открыт? Вчера не закрыли? – ахнула я. – Вот же... Светка...

На той неделе Света уже дважды забывала закрыть магазин, а так как вчера уходила последней, я была уверена, что и сегодня это случилось по вине коллеги. Если бы Борюсик об этом узнал, точно бы прибил, а затем, уволил. Ну или наоборот.

Легендой, передающейся из уст в уста всеми продавщи-

цами, была история о том, как несколько месяцев назад (до моего прихода) сотрудница забывала закрыть бутик. И что же? Несмотря на раскаяние и обещание, что такого больше не повторится, Борюсик ее уволил. Никакого второго шанса! При этом в бутике даже ничего не украли, но босс был непреклонен. Свете крупно повезло, что Борюсик болел дома.

Сдавать коллегу, я, разумеется, не стала. Пришлось схитрить и сделать вид, что открываю бутик ключом, ведь именно в этот момент Борюсик мог залипать в свои любимые камеры. Распахнув дверь и зажимая в руке связку ключей от дома, я прошла к кассе и заглянула за прилавок. Ни капли не сомневаясь, что ключи от магазина там, я сразу же оторопела, увидев пустую полочку.

– Не поняла... – пробормотала я себе под нос. Зашла за кассу и обшарила все пространство, но ключей не нашла. Разве такое возможно? Если Света вчера все же закрыла магазин, сдав их на охрану, то...

Закралось нехорошее предчувствие, и я покосилась на дверь кабинета Борюсика.

– Да ну, не может быть... – сказала я и направилась туда. Дверь к боссу никогда не закрывалась, поэтому я не удивилась тому, что ручка сразу же поддалась. Удивилась я другому – от стола отъехал стул, в котором сидел Борюсик собственной персоной и явно меня ждал.

– Не это ли ищешь? – осведомился он подремонтировав

связку ключей в своей руке. А затем деловито осведомился:
– Принесла?

После вчерашнего разговора я не ответила ни на один его вызов, кровожадно бросив в блок. Это еще хорошо, что Борюсик на работу приехал, а не ко мне домой. Ох, тогда сложно было предположить, сколько бы кипиша он наделал. За такое я бы его точно никогда не простила! Да и тут не собиралась!

– Ну давай же, – в нетерпении поторопил босс, протягивая руку.

Я хмыкнула и достала из сумки заявление. Помахав им, я направилась к столу, огибая Борюсика. Нет уж, в руки он у меня заявление не возьмет, помнится, что случилось с предыдущим... Сердито засопев, босс покатил за мной на стуле.

– Ты даже не представляешь, чего мне стоило выбраться из дома, преодолеть ни одну лестницу, еще это дурацкое такси и... – став снова несамостоятельным ребенком, принялся жаловаться мужчина.

– Надеюсь та полуголая блондинка тебе помогла! – съязвила я, запихивая заявление в ящик стола.

– Ревность нехорошее чувство, Линочка! – заметил Борюсик. Хорошо, что я была готова к чему-то подобному, поэтому моментально развернулась и выпалила:

– Ты по интеллекту малолетний идиот, даже у улитки мозг больше, чем у тебя, а меня интересуют умные мужчины!

Получилось немного не в моем духе – весьма эмоционально, но поделать с этим я ничего не смогла. Нет, никаких романтических чувств к Борюсику у меня точно не было. Самым банальным, но лучшим способом это проверить – представить поцелуй. Что я и сделала под утро, а потом меня чуть не вырвало. Нет, целовать Борюска я категорически не собиралась, меня даже коробило от этой мысли, а смелая фантазия, что он поцелует меня, подняла внутри настоящий бунт. Мысленно я даже успела расцарапать Борюсику всю физиономию.

Нет, тут было совершенно другое, не ревность, а женская солидарность. Вот почему мужчины, подобные Борюсику, выбирают себе красивых девушек?! Вчерашняя оголенная девица была красоткой. И в бутике у него работали тоже одни красавицы. И после наводки Светы я прошерстила интернет убедившись, что все девицы Борюсика не иначе как моделями подрабатывали. Но где же страшненькие, полненькие или просто обычные?.. Это меня жутко возмущало, ведь я как никто другой примерила на себя две ипостаси, убедившись, что практически всеми парнями руководят низменные чувства. Увы, Борюсик не стал исключением.

– Пусти... – весьма угрожающе прошептала я, когда босс перехватил меня в центре кабинета, вцепившись за талию. Мои слова возымели обратный эффект, и Борюсик сжал сильнее. Пришлось приложить усилие, чтобы отцепить от себя мужчину.

– Ты не понимаешь, я просто... просто... – заверещал босс, тяжело дыша от нашей молчаливой борьбы. – У меня в том году сестра умерла! Вот!

Выпалил и замолчал, а я перестала вырываться. Глаза мужчины моментально увлажнились. И снова мне стало его жалко. Да что же это такое?!

Я выдернула руки из сразу же ослабевшего захвата Борюсика и прошла к дивану. Ладно, так уж и быть, дам еще один шанс... Мужчина попытался улыбнуться, как всегда делал, рассказывая о чем то пустяковом, но вышло криво и неестественно. Моя жалость усилилась, внезапно захотелось обнять Борюсика, успокоить большого ребенка, но я осталась сидеть и сурово посверкивать на босса взглядом.

– Ну и? – спросила я. – Давай быстрее, я тороплюсь по делам.

Это прозвучало весьма грубо. К счастью, мне не приходилось терять близких, и я даже представлять не хотела, что через это придется когда-то пройти. Но в данный момент я почему-то решила, что Борюсик соврал про сестру и просто выпалил первое, что пришло в голову. Стало очень интересно, как теперь он выкрутится из сложившейся ситуации.

Когда же мужчина собрался с духом и открыл рот, чтобы наконец что-то сказать, у него задрожала нижняя челюсть. Борюсик спешно сцепил зубы и жалобно взглянул на меня.

Или все-таки не соврал?! Мне стало не по себе. И как я вообще могла так плохо подумать о человеке, ведь о подоб-

ных вещах не врут. Ну разве что только самые отъявленные злодеи, к коим Борюсик явно не относился. Да, он – бабник, но это же совсем другое!

– В общем, дело было так... – произнес мужчина, буквально за секунду до того, как я хотела попросить ничего мне не рассказывать.

Голос Борюсика прозвучал приглушенно. Буравя взглядом стену, босс начал рассказывать о своей сестре Ларисе.

Глава двадцать шестая. Сестра

Я предпочла бы работу в каком-нибудь рекламном агентстве, как на моей прошлой, но самой распространенной вакансией, где не требовался злополучный диплом, благополучно оставленный мной дома, и пресловутый трехгодичный стаж работы, был только продавец. По близости как раз располагался супермаркет, и я решила туда сходить. Как говорится на разведку, особо ни на что не надеясь. Впрочем, поход оказался удачным, и с завтрашнего дня мне предложили выйти на работу.

Опыт в небольшом продуктовом магазинчике на должности продавца у меня имелся. Не сказать, чтобы позитивный, так как я столкнулась с неведомым мне доныне феноменом – воровством. До этого я работала в бутике с одеждой и ничего подобного там не было. Поэтому не обратила должно внимания на пункт в договоре о том, что в случае кражи стоимость товаров распределяется между сотрудникам и взымается с них, сочтя его шаблонным в сфере торговли.

Не знаю, возможно, красть еду в магазине проще, чем, например, брендовую кофточку, обвешанную магнитными датчиками, как новогодняя елка на новый год. К тому же в супермаркете значительно больше людей, легче затеряться в толпе. Так или иначе, ощутимые последствия воровства я почувствовала, когда две недели спустя получила первую

часть месячной зарплаты. Она оказалась практически в два раза ниже той, на которую я устраивалась. И нет, меня возмутила вовсе не итоговая сумма, а вопиющий факт несправедливости.

Ругаться с руководством смысла не было, ведь я сама подписывала договор. Также глупо обижать и увольняться, как делали восемьдесят процентов новых сотрудников. Решив, что попала именно в то место, где меня сильно не хватало, я решила объявить войну воровству, так как нашему скупому директору до этого не было никакого дела.

Ситуация усложнялась тем, что в магазине отсутствовали камеры видеонаблюдения, директор наотрез отказывался их устанавливать, считая это лишней тратой бюджета. К слову, своих охранников у нас тоже не было, если что-то случалось, мы звонили в ЧОП, но пока сотрудники до нас добирались, а они как будто специально делали это очень медленно, воришек уже с след простывал. Приходилось полагаться на бдительность самих сотрудников.

Для меня эта работа стала все равно, что отстаивание девической чести. Никогда в жизни я не еще не была настолько внимательна и проницательна. В то время как остальные продавцы рвались на кассу (работу в зале никто не любил, а с кассы шла приличная надбавка к зарплате) я просилась остаться в зале. Все этому очень удивлялись, но с радостью выполняли мою прихоть.

Отсутствие камер и охранников подстегивало мой энту-

зиазм, и к концу рабочей недели я уже на раз сличала воров. Причем, они были совершенно разные, начиная с детей и заканчивая стариками. Количество украденного также варьировалось от одной вещи, до целой тележки продуктов. На один чупа-чупс, стянутый с кассы, или батон хлеба, украдкой брошенный в мятый разорванный пакет, я реагировала лояльно, но вот воровство в крупных размерах спускать не собиралась

Магазинчик у нас был небольшой, много знакомых лиц, чьи повадки я хорошо изучила и точно знала, за кем следить стоит, а за кем нет. Новенькие привлекали мое особенное внимание – их бегающие взгляды, нервные жесты. Я лучше любого металлодетектора считывала намерения к нам приходящих.

Очень удачно, что напротив через дорогу располагался полицейский участок, в котором я обзавелась связями. Проявив настойчивость, мне удалось телефоны сотрудников, минуя пост дежурного, которым в свои смены я звонила несколько раз на дню. В отличие от сотрудников ЧОПа полицейские проявляли оперативность.

Однако представители закона на входе у дверей пугали не всех. Неопытные воришки не рисковали – либо вообще не заходил в магазин, либо, если были уже внутри, избавлялись от товаров, сбрасывая их на стеллажи. многие приходили в себя, возвращали ворованные товары обратно на стеллажи. Но были и особо наглые. В особенности мне запомнил-

ся один мерзопакостный старик с собственной тележкой. Он не был сгорбленным и нуждающимся по внешнему виду, а упитанным, розовощекий и прямым, словно проглотившим кол. А еще он являлся постоянным вечно всем недовольным посетителем.

Во время моей работы он уже несколько раз приезжал со своей тележкой, прогулочным шагом обходил магазин, останавливаясь возле каждого стеллажа и громко сетовал на цены. Кроме меня на него внимания не обращали и тому была причина.

По началу старик весьма раздражал сотрудников, с радостью, словно ждал, вступал в словесную перепалку, привлекая негативное внимание остальных покупателей. Однажды директор стал свидетелем одной перепалки, – увы, но уже к концу разгоревшейся сцены. Не став разобравшись, он занял сторону старика и уволил невиновную продавщицу. После этого все сотрудники взяли в правило игнорировать посетителя – ворчит и пусть себе ворчит. Терять из-за него работу никто не хотел.

Все считали, что дед одинокий и ему просто не с кем поговорить, вот он и ищет себе развлечение, но оказалось все куда прозаичнее, не общение ему было нужно, а продукты. Проведя небольшое следствие, рискуя увольнением, но за правое дело, это была не такая уж и высокая цена, я вывела его на считаю воду.

Старик не просто так привозил свою гигантскую тележку.

Громко сетуя на стоимость товаров, уверенный, что никто не обращает на него внимание, он сметал с полок необходимое товары. К слову, вкус у него был неплохой, внимание привлекали исключительно дорогостоящие продукты.

– Вы что делаете? Воруете? А вы вообще в курсе, что потом сотрудники магазина платят за недосдачу?! – наблюдая за стариком, все же не выдержала я, вступив с тем в диалог.

Дед явно не ожидал быть пойманным с поличным, но, стоит отдать должное его наглости – он не растерялся, раздраженно подмечая:

– Да как вы смеете меня обвинять! Я добропорядочный покупатель! Я же не виноват, что у вас тележек нормальных нет, не в руках же мне котомки таскать?! И вообще, я требую вашего руководства, никому не позволю себя незаслуженно оскорблять...

Старик пошел в атаку, распалившись настолько, что после его ухода (расплатившись за все товары в своей тележке – впервые за всю историю его посещения магазинчика) на меня набросился весь коллектив, мол, зачем я к нему полезла. Но это еще не все – особо добрая коллега побежала донести директору. К огромному разочарованию последней меня не уволили, сделали выговор под честное слово, что впредь от меня проблем не будет. И ни словечка о том, что благодаря мне было поймано много воров. Проглотив легкую обиду, я решила действовать осторожнее.

– Даже не пытайся с этим бороться, воровство – это же

неизлечимая болезнь! – по-дружески шепнула мне одна из продавщиц. – В этой сфере оно всегда было и всегда будет. Ты бы лучше на кассе почаще стояла, того гляди отобьешь зарплату.

Глава двадцать седьмая. Новая сотрудница

Минут пять, сотрясаясь от рыданий, Борюсик сидел на полу, а затем встрепенулся и взглянул на меня через щелочки между пальцев.

– Это ведь ее бутик, она открыла его на собственные деньги, ни копейки у отца не взяла, оставила мне его... мы до последнего не знали ни о каком завещании... – шепнул он, порывисто вздохнув. – Я не смог его продать. Когда вернулся с Кипра, решил, что буду тут работать и через это стану к ней как бы ближе. Понимаешь? Но я ничего не чувствовал. Долго не чувствовал, пока...

– Пока я тебе ее не напомнила, – кивнула я.

– Она за словом в карман не лезла. Всегда говорила прямо, что чувствует. Все хотят мне понравиться, льстят, а ты прям в лоб... – ответил он, опуская наконец-то руки и совсем по-детски спросил: – Теперь ты тоже меня бросишь?

Глядя на Борюсика, мне всерьез показалось, что я устроила скандал из ничего. Все было гораздо глубже и сложнее.

– Ну... – начала я, а босс пылко воскликнул:

– Обещаю, с этого дня никакого алкоголя и женщин! А первой, которую не будут интересовать отцовские деньги, сразу же сделаю предложение.

– Готов на такую большую жертву, лишь бы я осталась у тебя работать? – улыбнулась я.

– Не хочу в твоих глазах быть козлиной и... улиткой, – заметил он, обиженно насупившись.

– А твоя девушка... ну с которой ты пожениться планировал? – спросила я.

– Зиночка... – грустно вздохнул Борюсик. – Я так сильно ее обидел, даже извиниться храбрости не наберусь...

– Ну так может стоит попробовать начать все...

– Да она полгода назад замуж вышла, у нас же полно общих знакомых... – ответил он. – Да и не смог бы я, она ведь напомнила бы мне... как отцу Лариса всю жизнь напоминала о маме, так и мне... Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула я.

– А мне ведь тоже хочется счастья! – тяжело вздохнул Борюсик. – Ты даже не представляешь, как хочется, но первый вопрос всех девушек о моем достатке. Какая у меня машина, квартира, сколько я в месяц зарабатываю... – он поморщился. – За год ни одной девушки, которая спросила бы, что у меня на душе, что, например, я читаю. А я ведь не идиот! Я читаю!

– И что же ты читаешь? – улыбнулась я, ласково погладив Борюсика по плечу. Мы продолжали сидеть на полу, но кажется, оба этого не замечали.

– Ну... в настоящее время... – начал он с воодушевлением, но тут же осекся и словно бы застыдился, шепнув: – Идиота...

– и сразу же вспыхнул, заметив, что моя улыбка стала шире. – Это так произведение называется! Между прочим, классика, его Тургенев написал. Вот! – с вызовом добавил он.

– А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах... Душа из тела вылетит, и что человеком больше не будешь, – процитировала я и мягко добавила: – Достоевский.

Борюсик нахмурился.

– Чего? – не понял он.

– Написал «Идиота» не Тургенев, а Достоевский Федор Михайлович.

– Ты читала? – взгляд у Борюсика загорелся. – Это любимая книга Ларисы, она знает ее практически наизусть... знала... – поправился он, грустно понурив голову.

– Я тоже знаю его практически наизусть, – ответила я, не став рассказывать, что знаю много цитат из разных книг. А еще обычно остро реагирую на то, когда путают фамилии авторов. Но только не в этот раз. Борюсик ждал поддержки, а не критики.

Какое-то время мы проболтали о литературных произведениях, а после работы продолжили общение в ресторане, куда меня Борисик звал давно, но я все отказывалась. Нога босса практически зажила и мне даже не пришлось провожать того до дома.

В бутике я проработала прекрасное время. Как я изначально и планировала, полностью поменяла собственный гардероб и приодела родителей. Про уход я по-прежнему ду-

мала по несколько раз за день, но ввиду новых открывшихся фактов, не знала, как об этом сообщить, поступить, чтобы не нанести Борюсику новой психологической травмы. Но тут подвернулся прекрасный шанс.

Вместо ушедшей в декрет Риты к нам на работу устроилась Лера – дочка очень хорошего друга Борюсика. Протеже, но «ни в коем случае не моя девушка» – на всякий случай строго предупредил меня босс.

Что до Леры, она сразу же решила, что раз ее привел сам Борюсик, она имеет больше прав, чем все остальные сотрудницы. Меняться с нами отделами девушка наотрез отказалась, сразу застолбив себе территорию с шубами.

Работа на кассе считалась самым привилегированным местом, но вовсе не из-за большего количества чаевых, а из-за того, что касса – это лицо магазина. Лучше всех с клиентами общалась Настя, она словно родилась для этой работы. Мало того, что девушка была обаятельной, так еще невероятно добродушной и приветливой. Не сговариваясь, мы с девочками всегда прогоняли Настю на кассу, но тут, спустя какое-то время, Лере внезапно наскучили шубы, которые, как оказалось, несмотря на разгар сезона, брали неохотно. Новая сотрудница в ультимативной форме объявила, что теперь будет стоять на кассе. Настя, словно побитая собачонка, поплелась в торговый зал.

С самого начала стало очевидным, что с Лерой мы не сработаемся. Первое, что она делала, когда кто-то из нас пы-

тался ей возразить – брала телефон и звонила отцу. А тот, в свою очередь, – Борюсику. Босс сердился, что мы «обижаем» Леру.

Но ведь по камерам и вправду казалось, что мы ее обижаем, ведь хитрая девушка сразу смекнула, как ей следует поступать. Пользуясь тем, что в камерах не работал звук, зато прекрасно передавалась картинка, при малейшем противоречии, Лера принималась артистично махать руками и так страдальчески прикрывать лицо, что с виду и вправду казалось, что мы изводим «бедняжку».

– Девочки, но сколько можно?! – страшно сердился на нас Борюсик.

– Откуда эта змея вообще приползла, а главное как он может ей верить, она же врет и не краснеет! – в сердцах воскликнула я, пытаясь приободрить вытесненную с кассы Настю, которая с понурым видом складывала рубашки. Она довольно сильно переживала удар, ведь теперь была лишена возможности поболтать с постоянными гостями, поинтересоваться их жизнями.

Настя запоминала все рассказанные гостями истории и искренне страдала, что больше не поболтает со знакомыми, не узнает, как поживают волнистые попугайчики одной посетительницы и благополучно ли у другой удалили гланды. И сейчас Настя еле сдерживала слезы, когда пришла гостья с белым пуделем, а Лера во всеуслышание сообщала: «Фу, псиной завоняло!»

– Вот же бесчувственная, у Вельдена же операция была на той неделе, – всхлипнула Настя, которая помнила все клички питомцев посетителей, а Лера была не в состоянии даже несколько имен гостей запомнить. Более того, она даже не со всеми здоровалась...

Глава двадцать восьмая. Конфликт

Впрочем, стоит отдать Лере должное – она привлекала внимание своей неземной красотой. Внешность нашей новой коллеги была из разряда любования с открытым ртом. На Леру засматривались абсолютно все, что мужчины, что женщины. Она напоминала человека, созданного нейросетью с идеальной бронзовой сияющей кожей, яркими зелеными глазами, тонкими аристократическими чертами лица и длинными густыми волнистыми золотистыми волосами. При этом сама девушка была стройной и изящной, словно статуэтка. Более того, Лера являлась из нас самой молодой.

Недавно Свете исполнилось тридцать, отметила она это событие со слезами на глазах, причем, в прямом смысле этого слова, будучи убежденной, что, если до тридцати лет не выйти замуж и не родить как минимум двух детей, жизнь загублена. После окончания колледжа, девушка занималась тем, что маниакально подыскивала себе спутника жизни, посещая все новые и новые свидания. Но как на зло каждый раз претерпевала неудачу, ведь парни на фото из интернета уж очень сильно отличались в жизни.

Внешность для Светы имела наиважнейшую роль, она искала парня именно по этому параметру и, кажется, не пред-

полагала, что красавчики те еще бабники. Ей бы радоваться, что приходящие на свидания мужчины обладали обычной внешностью, так нет же, Свете требовался образ с фотографии, даже если он принадлежал зарубежному актеру.

Я осторожно пыталась намекнуть ранимой коллеге, что если уж она так сильно хочет замуж, то следует понизить планку. Да и вообще, ее внешность тоже далека от идеала. Нет, Света бесспорно симпатичная, даже в своем роде красивая, но не из той категории, чтобы каждый из мужчин сворачивал шею, проходя мимо. Однако, коллега, кажется, считала себя достаточно красивой и до определенного времени не сильно старой. Она верила, что со дня на день точно встретит своего будущего мужа с картинки, но тут пришла Лера – невероятно юная и бесподобно красивая.

Последние несколько недель почти каждый день к нам захаживал один и тот же клиент – импозантный и непристойно богатый мужчина. Конечно, не такой красивый, как мечтала Света, но «вполне достойный!» – снисходительно подмечала коллега. Мужчина явно проявлял к Свете знаки внимания и вот-вот уже собирался подойти и познакомиться, как переметнулся на сторону врага, точнее – Леры.

И только тогда Света наконец-то прозрела и окончательно пала духом, а ее последняя надежда на замужество угасла, напарница стала проводить гораздо больше времени в туалете, заплакивая горечь, возникающую всякий раз, когда наведывался сорвавшийся с крючка ухажер. А заходил он, как

и раньше – почти каждый день, но теперь напрочь перестал замечать Свету.

Лично я в этом трагедии не видела. Напротив! Было бы гораздо хуже, начни они встречаться. Вот поженились бы, родили ребенка, а тут возьми и появись какая-нибудь Лера. Вот это неприятно.

– Радуйся такому подарку судьбы и иди лучше работать! – подытожила я, но мои слова возымели обратный эффект и, рыдая, напарница убежала уже не в ближайший туалет, а домой.

Лера оказалась той еще злюкой и стала подливать масла в огонь. Видя Свету, она каждый раз громко говорила про упущенные шансы на счастье, упоминала возраст, что после тридцати жизнь заканчивается. Добивалась она этим того, что Света сбегала раньше прихода своего бывшего ухажера. Мне все это напоминало какой-то детский сад. Я все ждала, что Света поставит Леру на место, но этого не происходило. Время шло, я выгораживала коллегу и каждый раз врала Борюсику, что Света отлучилась всего на минутку и именно в тот момент, когда он ее спрашивал.

Но что мне самой стоило поставить Леру на место? Да вообще ничего! Девочки держались за работу, зная, что конфликты Борюсик не терпит и буквально вчера грозил, что, если еще раз ему позвонит Лерин папа, виновницу (кого-то из нас) непременно уволит. Признаться, Борюсик еще долго держится, чтобы из-за Леры кого-нибудь не уволить. И, ка-

жется, это было самое лучшее решение моей проблемы, ведь я сама уже давно хотела уйти.

Когда Света в очередной раз умчалась рыдать в туалет, не в силах наблюдать за сценой кокетства Леры и импозантного мужчины, я решила действовать. Я бесстрашно подошла к ним и, скрещивая на груди руки, спросила:

– Может быть, хватит?

Мужчина встрепенулся и оглянулся, а Лера скорчила презрительную гримаску, отчего ее прекрасное личико стало просто отвратительным. Если бы гость это сейчас увидел, то сразу бы перестал к ней клеиться. Но увы, он смотрел на меня.

– Не понял... – сказал он. – Это вы мне?!

– Вам! – кивнула я и, взглянув на Леру, добавила: – И тебе, лицемерка несчастная. Хватит изводить Свету. Всему есть предел... – мой голос нарастал с каждой новой фразой. Лера по обыкновению сразу же схватила телефон и отбежала в сторону, явно для того, чтобы набрать папу и пожаловаться, а я повернулась к мужчине: – Вы в курсе, что она вам прозвище придумала? Хотите узнать какое?

– Прозвище? – переспросил мужчина растерянно.

– Безвкусный болван! – сообщила я, но прежде чем гость пораженно ахнул и отказался бы в такое верить, достала свой телефон и объявила: – Вот смотрите, я даже на видео записала. Смотрите-смотрите!

Не дожидаясь согласия со стороны мужчины, я сунула ему

под нос видео. Пообщавшись с отцом, Лера вернулась к кассе как раз в тот момент, когда из динамика раздался ее собственный голос, оскорбляющий клиента, а затем заливистый смех и новая тирада издевательств в отношении Светы.

– Это все фейк! – взвизгнула Лера. На этот раз ее искаженное негодованием лицо мужчина оценил и поморщился.

– Она вас использовала, чтобы доставать нашу подругу, – подытожила я.

– Все ясно... – кивнул мужчина и, ни на кого не глядя, покинул бутик. В глазах Леры вспыхнул гнев. Очевидно, что в этот момент я ступила на скользкую трону войны.

– Ну и что опять случилось? Я же сказал. Что еще один конфликт и я... – прибежал Борюсик, сердито хмурясь. – Лерочка, кто тебя снова обидел?!

Лера моментально превратилась из гневливого существа в милую обаяшку и, невинно захлопав ресницами, указала на меня. Она явно ждала, что Борюсик исполнит свою недавнюю угрозу и немедленно меня уволит. Признаться, я тоже с нетерпением этого ждала, но босс лишь пожал плечами и велел нам возвращаться к работе, для порядка все же буркнув, что еще один конфликт, и точно уволит...

– В следующий раз ты так просто не отделаешься! – мстительно шепнула мне Лера.

– Очень на это рассчитываю! – искренне понадеялась я.

Глава двадцать девятая. Провокация

После случая с видео, ухажера Леры как ветром сдуло, но долгожданного спокойствия в коллектив это не принесло. Теперь Света страдала из-за того, что посетитель больше не приходит, обвинив в этом меня. Лера также не скрывала ко мне своей ненависти, впрочем, в туалет, следом за Светой, отправить не смогла. Зато ее жалобы лились на Борюсика с катастрофической скоростью.

– Линочка, она плачется мне практически каждый день, ну почему вы не можете жить дружно?! – раздосадованно бурчал Борюсик, в очередной позвав меня к себе в кабинет. Это был явно риторический вопрос и, не дожидаясь ответа, он сообщил, что ему нужно отъехать на дня три-четыре. И, как бы оправдываясь, добавил: – Вы же будете хорошими девочками и побережете Лерочку?

Меня интересовало, когда он сдержит слово и меня, как самую конфликтную в глазах и словах Леры, уволит, но спросила я другое:

– Как далеко ты едешь?

– Да так... не очень... – протянул Борюсик, а затем выдал: – В Японию. – И придвигаясь на стуле к столу добавил: – Понимаешь, я не хочу, чтобы между моими сотрудниками была

война. Я же должен быть авторитетом, и своим поведением вы вынуждаете меня принимать кардинальные меры. Пойми же, Лера совсем молодая и скажу тебе по секрету... – он понизил голос: – В школе над ней издевались...

– О, поэтому она решила отыграться на нас? – не выдержала я, а Борюсик недовольно нахмурился. – Надо мной тоже в школе издевались, но я же не мщу за это другим людям! Твоя ненаглядная Лерочка все врет, а ты как последний баран ей веришь.

Мужественно проглотив обзывательство про барана, Борюсик с нажимом продолжал:

– Я не хочу никого увольнять, но если встанет вопрос...

– Да можешь меня хоть сейчас уволить! – выпалила я не менее воинственно, чем прежде. – Просто почини наконец-то звук в камерах, она знает, что ты все видишь, но не слышишь, поэтому и устраивает концерты.

– В общем, остальным так и передай, чтобы я вернулся, а в коллективе царил мир! – велел Борюсик и строго хлопнул рукой по столу.

– Так сам всем и скажи, я тебе не передатчик! – хлопнула я в ответ и поднялась на ноги, быстрым шагом дошла до выхода, но затормозила в дверях. Увы, долгожданного «ты уволена» не прозвучало. Зато босс выкрикнул:

– Я буду писать тебе каждый день! – и это прозвучало как угроза.

Ожидаемо, утро на работе началось с претензии Леры о

том, что в помещении очень душно и пыльно. Закончилось тем, что она снова переключилась на Свету, а затем сообщила, что Борюсик улетел в Японию. При этом она добавила, что босс оставил ее за главную. Возможно, Лера соврала, но сделала это так убедительно что все кроме меня ей поверили. А затем, подзадоривая Свету, добавила:

– Эх Светка, упустила ты свое счастье, не на ту лошадку поставила, проворонила такого мужика.

Света встрепенулась и бросила колкий взгляд на меня. Как мне показалось, весьма недружелюбный. Коллега целый день меня избегала, а под конец работы вообще ушла, оставив ворох сбуробанных вещей. Все знали, что у Светы и раньше имелись некоторые виды в отношения Борюсика, она сама со мной ими делилась и просила совета, как лучше к боссу подступиться, но, чтобы Света не делала, Борюсик внимания на нее не обращал.

Когда мы с Настей задержались, чтобы разобрать брошенные Светой вещи, коллега помялась немного и все же, не скрывая любопытства, уточнила:

– Так что между тобой и Брюсиком?

– Межу мной и... – заторможенно переспросила я, а затем внезапно поняв причину холодности Светы, спросила: – Ну и что Лера про меня наплела?

– Ну да, сказала, что ты за ним бегаешь, а он... – начала с живостью Настя, но осеклась.

– А он... – продолжала я, сурово сверкнув взглядом на На-

стю.

– А он *теперь* не знает, как от тебя отделаться, – сообщила она, но тут же поспешно добавила: – Но я нисколечко в это не поверила! Ты не станешь ни за кем бегать! Я просто заметила, что вы с Борюсиком словно бы сблизились. Он с таким трепетом на тебя смотрит, что...

– Мы просто друзья, – ответила я. Настя кивнула и сразу же закрыла тему, не став допытываться.

Она мне нравилась. Сначала показалась немного высокомерной красавицей, но впечатление вышло обманчивым. Настя была душой компании, имела уйму подруг и ухажеров. Мы немного поболтали о собаках, после чего я вернулась к предыдущей теме:

– А тебе Борюсик нравится?

– Борюсик? – воскликнула Настя и засмеялась. – Да упаси Боже. Он же бабник, каких только поискать можно. Подкатывал ко мне, когда я сюда устраивалась, так я девушка честная, так в глаза и сказала, чтобы он губу закатал. Думала уволит, но нет, обошлось. Не хочу быть по счету сотой... Ой. – Настя видимо вспомнила, что недавно говорила о нашем сближении с Борюсиком. – Ладно, помчала я, а то подружки заждались.

Настя убежала, а я доразобрала полки и ушла. Впереди были мои выходные, прошедшие в основном дома под страдальческие мамины вздохи и ее громкие причитания насчет того, что она спит и видит свадьбу своей единственной до-

чери, которая сидит дома вместо того, чтобы активно заниматься поиском женихов.

Когда же выходные закончились, и мы снова вышли на работу, Лера заявила, что устала работать в шубах. Ах, да, забыла упомянуть, что неделю назад ей наскучила касса, и она вернулась в шубы. Услышав сегодняшнее заявление, Настя моментально сникла, предполагая, что Лера снова пойдет на кассу, но та неожиданно заявила, что хочет поменяться отделами со мной. Я не считала это хорошей идеей, так как сегодня мне предстояло работать в бесперспективной части магазина, где Лере точно не понравится.

Командировка Борюсика затягивалась, он собирался вернуться еще вчера, но перед сном отправил мне видео навороченного унитаза, по всей видимости, из новой гостиницы. Что до унитазов, то у Борюсика во все время пребывания в Японии появился какой-то нездоровый фетиш, которым он спешил поделиться со мной. Признаюсь, сначала и вправду было интересно, ведь японские унитазы, без сомнения, произведение искусства и современных технологий, но, когда моя память телефона оказалась капитально заполнена, пригрозила, что, если он пришлет мне еще хоть один унитаз, окажется в черном списке.

Впрочем, суть вовсе не в унитазах, а том, что Борюсик с вечера на связь больше не выходил. Либо он снова баловался с кнопочками чудотехники, но, обидевшись на мою угрозу, решил об этом не писать, либо, что вероятнее всего, нахо-

дился в самолете на пути домой. Меняться же рабочими зонами без одобрения Борюсика нам строго запрещалось, мы заранее согласовывали графики, кто где стоит, но в пальчиках Леры уже появился телефон.

– Ладно, давай поменяемся, но сразу предупрежу, там скучнее, чем в шубах и на большие чаевые не рассчитывай! – решилась я.

Лера гордо вскинула голову и проследовала в мой отдел, а я направилась в шубы.

Глава тридцатая. Торговля

Шуботерапия была не хуже кототерапии. В эмоционально тяжелые дни достаточно уткнуться в мягкий мех, а затем гладить, гладить, гладить. Главное, не переусердствовать, чтобы не испортить товарный вид изделия. В шубах я находилась в свою первую неделю работы в бутике, девочки решили, что мне там самое место, прям как Насте на кассе.

С некоторыми шубами не хотелось прощаться, я грустила, когда их покупали. Однажды я чуть даже не расплакалась, когда Настя упаковывала на кассе мою любимицу – пушистую бежевую шубку, содержащуюся в едином экземпляре.

По версии для покупателей все вещи в нашем бутике были в едином экземпляре – один размер – один товар. Борюсик считал, что это помогает торговле и рождает спрос. Отсутствие вещи в нужном размере, подогревало интерес особенно капризных барышень. Борюсик выходил пообщаться, заверяя тревожную даму, что ради нее достанет вещь ее размера хоть из-под земли. И всегда доставал! Правда – со склада.

На самом деле у нас всегда было как минимум два одинаково размера, но ведь покупательницы об этом не знали, вправду считая, что ради них Брюсик спускался под землю. После этого они, как правило, становились нашими постоянными благодарными покупательницами.

Если Борюсик не делал ничего плохого, ну хитрил немно-

го, впрочем, никому же не вредил, напротив, радовал, то были и настоящие мошенники, из-за которых я давно сложила общее негативное впечатление о всех продавцах и торговле в целом.

Вот бывают доверчивые люди, типа моих родителей. А бывают моральные уроды, типа тех, которые ходят по домам и втюхивают ненужный хлам. В некоторых случаях даже не рабочий, но так умело его преподносят, зомбируя наивных «жертв», что те избавляются даже от последних денег.

Знакомство с торговлей моих родителей было на уровне желтыми ценников. Мама попадалась абсолютно на все маркетинговые уловки, слепо веря, что если написано «скидка», нужно брать про запас. Папа в этом плане был менее доверчивым, но просто не мог устоять перед заманчивыми речами продавцов. Однажды его так обработал один находчивый паренек, бродящий по нашему подъезду, что чудом не оформил на папу кредит, благо я вовремя вернулась домой. Паренек не растерялся и попытался заговорить зубы и мне, но стоило пригрозить полицией, как «молодого» и «находчивого» как ветром сдуло. А когда я решила провести с папой разъяснительную беседу, подключив маму и дедушку с бабушкой, то выяснилось, что неделей ранее последние купили с рук какой-то навороченный пылесос у похожего паренька. Пылесос, к слову, на второй раз даже не включился.

И это я молчу про распродажи в магазинах с шариками: *«Только сегодня, только у нас, скидки до 100 % на каче-*

ственные вещи. Порадуйте себя и своих близких». Вот сколько бесед мы с родителями не проводили, практически каждый месяц на последние средства они раскошеливались на какую-нибудь ерунду, считая, что ради «порадуйте близких» никаких денег не жалко. В общем, только в последнее время я более-менее убедила родителей в том, что «продавец = мошенник», что, если тебя настойчиво упрашивают что-то купить – сразу же нужно бежать из этого места сломя голову. Акции в магазинах работают, я сама ждала акции на определенные вещи, но это вовсе не значит, что нужно скупать десять пачек гречки.

– Ну почему ты вечно ведешься? – сокрушалась я, когда мама принесла домой неработающий айфон, втюханный ей каким-то парнем на улице – всего за полцены, потому что ему срочно нужны деньги, а айфон в идеальном состоянии, можно подарить кому-нибудь из родственников. Последнее вообще имело на маму какое-то гипнотические действие.

– Ну может быть мы еще разок попытаемся его включить? – спросила мама. – Линочка, ты только не злись! Ну подумаешь, это же всего несколько тысяч...

– Сегодня несколько, вчера, несколько, на той неделе... – закипала я. – Мама, ты ведешь себя как ребенок. Нет, даже дети на такое не ведутся. Ну скажи, зачем ты купила двадцать килограммов гнилой картошки?

– Так она же молодая и не должна дешево стоить, к тому же доставка до самой двери... – бойко вступилась женщина

за картошку.

– Мама... – несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула я. – Осенью? В нашем регионе?

– Так она не наша... – попыталась оправдаться мама. – Ладно, больше не буду... – и виновато понурила голову. – Мне просто стало жалко того парнишку, ему от картошки нужно было избавиться, у него бабушка болеет... – я сердито засопела, а мама попросила: – Ты только папе не говори...

– Папе не говорить? – воскликнула я. – Не переживай за папу, у него самого теперь есть зажигалка из самого Парижа! Только он не курит!

– Ну так зажигалка полезная вещь в хозяйстве... – заметила мама.

– Только не китайская, проданная по французской цене... – согласилась я. – Ладно, а пепельница нам зачем? –

– Так сувенир... – пискнула мама.

– В общем так, мама, если вы с папой продолжите вестись на подобную ерунду, я уеду! – вытащила я из рукава главный и последний козырь.

Мама пораженно ахнула, хотела возмутиться, но видимо быстро сообразила, что со своим характером я и вправду могу это сделать. В таком случае она так и не увидит, как я выйду замуж. Мама на такое точно бы не пошла и в сердцах заявила:

– Поняла!

Проделав такую серьезную борьбу, а за последние время

в нашем доме и вправду не появилось ни одной ненужной вещи, оказалось то, что я сама пошла работать в торговлю. Правда, ничего никому не впаривала, даже ничего не хвалила, просто вежливо показывала то, что интересовало человека... но ведь это все равно она и так же сфера! Если бы родители узнали... «Только через мой труп!» – думала я.

И вот пушистой бежевой шубы больше не стало – последней из размерной сетки. И на складе точно не имелось, я проверяла. Скорбела я по той шубе, даже когда перешла в другой отдел. И какого же было мое удивление, когда Борюсик позвал меня к себе в кабинет, где на диване лежала копия проданной бежевой шубы.

– Чего смотришь, забирай, она твоя! – сообщил босс, не отрываясь от просмотра каких-то бумаг.

– В смысле моя? – недоверчиво переспросила я.

– Но что тут непонятного, Рита сказала, что ты убивалась, когда купили последнюю такую шубу... – заметил он, коротко глянув на меня.

О, тут Рита явно преувеличила. Да, я, конечно, расстроилась, но внешне же практически ничего не показала. Возможно, жаловалась коллегам... Пару раз, не больше! Кажется.

– Значит так... – я приблизилась к Борюсику, сердито тыкая пальцев в шубу. – Я не твоя любовница, чтобы принимать такие дорогие подарки. Ясно?

– А кричать-то зачем? – нахмурился тот, а затем обижен-

но буркнул: – Я вообще-то за ней неделю гонялся... – и приподнял взгляд, уточняя: – Может, все-таки возьмешь? Для мамы! И чего сразу любовница, нельзя что ли доброго дела сделать для хорошего-то человека?

Я не ответила, развернулась и ушла. Подумывала даже уволиться, чувствуя себя оскорбленной до глубины души, но решила все же не совершать импульсивных поступков.

Глава тридцать первая. План мести

Не знаю, какая там муха укусила Леру выбрать саму непопулярную зону в углу магазина, где располагалась нижнее белье и товары для детей, но, как говорится, «хозяин – барин».

Самой же популярной была зона с кофточками и платьишками в женском отделе, так как все же большинство наших посетителей приходилось женщинами, но (особенно в последнее время) не менее популярной стала зона с товарами для питомцев. Да-да, брендовыми товарами для собачек и кошечек, расходящихся как горячие пирожки. Она появилась в бутике относительно недавно и оживила наши с девочками скучные будни. На прошлой неделе я даже чуть с ума не сошла от наплыва покупателей.

Раньше отдел с шубами тоже был весьма популярным, но с момента работы в нем Леры, ажиотаж резко спал. Сейчас на дворе – середина зимы, как раз сезон, но пока за отдел отвечала Лера, не удалось продать ни единой шубы.

Основная задача продавца – презентовать товар так, чтобы его купили. Вспоминая ходящих по квартирам барыг, я принципиально этого не делала, считая, что покупатель сам решит, что ему нужно, и лишнее давление ни к чему. Когда же меня спрашивали, я не молчала партизаном, но всегда отвечала честно, даже если мне совсем не нравилось вещь. Де-

вочки в этом плане были другими и всегда хвалили абсолютно все вещи, а вот Лера... Не пойму, то ли у нее тоже были принципы, то ли она просто ленилась, но девушка никогда ничего не рекламировала, молча буравила взглядом, весьма состоятельных клиентов, вплоть до самого выхода.

Тут главное уловить тонкую нить между услужливостью и навязчивостью. Посетители были разные, приходилось вести себя в зависимости от ситуации. Если гости хотели общения, следовало ходить за ними, все показывать и рассказывать.

Также были тихие гости, мы называли их деловыми. Они явно знали об всех уловках маркетинга и никогда не совершали спонтанных покупок, приходя четко за тем, что им требовалось. Предлагать по акции шарфик или ремень – пустая трата нашего времени и нервов посетителя. Нам следовало стать как можно невидимее и не привлекать к себе внимания.

Частенько приходили раздраженные посетители, у которых явно выдался не самый лучший день. Они то подзывали консультантов, то отсылали прочь, наговорив много неприятных вещей. Тут главное было вытерпеть и не вступать в перепалку. «Выдержка и спокойствие», – вот девиз в отношении таких клиентов. А также улыбка. Кажется, в своей жизни я так много не улыбалась, как на этой работе.

Возле касс была оборудована небольшая зона, где гостей поили чаем, кофе, коктейлями с конфетами, печеньем и тортиками. Даже имелось шампанское, но это прям для са-

мых-самых гостей, ведь распитие алкоголя в общественных местах карается законом... Настя всегда умела незаметно угостить посетителя, а вот Лера... Лера была больше увлечена всем, кроме гостей.

И вот я снова оказалась в шубах и, кажется, оказалась в ударе, так как за день продала пять шуб, при этом, пренебрегла принципами и сделала гостям множество приятных комплиментов, что важно – честных. Впрочем, моя радость угасла уже на следующий день, когда меня в проходе встретила чем-то очень довольная Лера, а за ней из-за вешалки выплыл мрачный Борюсик.

– Ангелина, ты вчера работали в нижнем белье? – спросил босс непривычно холодным тоном.

– Нет, – ответила я, покосившись на усмехающуюся Леру.

Все тем же тоном Борюсик сообщил:

– Вчера были украдены три дорогостоящих комплекта.

– Правда? Какая жалость... – усмехнулась я, глядя на по-прежнему веселую и довольную Леру. Вот не пойму, она совсем что ли дурочка? Из ее отдела украли... Постойте-ка, так вчера же мы с ней поменялись. Стоп! Разве в магазине нет камер, которые все бы прояснили, или девочек, которые, конечно бы, заняли мою сторону. Да и сам Борюсик... Неужели он мог во мне усомниться?! Да кому, кроме меня он еще сможет скидывать фотографии унитазов?!

– Видишь, она еще и смеется, – заговорчески шепнула Лера в ухо Борюсику.

– Я вчера в шубах работала, – твердо произнесла я.

– Но разве не Лера по утвержденному графику работает в шубах? – прищурившись, спросил Борюсик. – Мы же вроде до моего отъезда это утвердили...

Борюсик хоть и был довольно пофигистическим человеком, но в плане графиков становился невероятно ответственным. Для него это являлось таким же важным пунктиком, как и отношение к кражам, совершенных сотрудниками. Помнится, при устройстве на работу он об этом и предупреждал. И тут до меня дошло, что задумала Лера! Так вот в чем заключался ее план мести...

– Вчера Лера попросила поменяться, – ответила я, а Борюсик уже собрался было возмутиться, мол, почему его не предупредили, как я равнодушно, словно речь шла о погоде, добавила: – Ты же был занят с унитазами, решили тебя не беспокоить.

Борюсик так и проглотил то, что собирался произнести и густо покраснел, а Лера на мгновение растерялась. Она явно не знала, что я тоже обладаю некоторой информацией о тайной жизни босса. По крайней мере, в историю унитазов, она точно посвящена не была.

– Ладно, тогда... – он повернулся к Лере, которая уже пришла в себя и, увидев, что голос Борюсика смягчился, артистично заламывая руки, вскричала:

– Да врет она все! – в глазах девушки появились слезы, нижняя губа задрожала, и, срываясь на рыдания, Лера про-

должила: – Она меня ненавидит с самого первого дня, постоянно палки в колеса вставляет, сплетни распускает, прозвища всякие придумывает...

– Ну что ты, успокойся, все хорошо, – принялся успокаивать ее Борюсик, неуверенно поглаживая по плечу. Происходящее ему совсем не нравилась. тем более, что в бутик зашли гости. – Давайте пройдем в мой кабинет...

Играя на публику, а иначе это не назвать, пуще прежнего, обращаясь ко мне, Лера завопила:

– Что я тебе сделала, за что ты так меня ненавидишь?!

– Просто посмотри записи с камер и узнаешь в каком я была отделе, – посоветовала я Борюсику.

– Я же сказала, что она так и ответит! – взвизгнула Лера, резко перестав плакать. Она шмыгнула изящным носиком и сообщила: – Она ведь знает, что записей с камер нет. Ведь это она их вчера удалила.

Ого, а оказывается Лера не полная дура и озаботилась о целостности сюжета. Но неужели рассчитывала, что Борюсик такой же тупой, как и она сама? Нет, я, конечно, когда-то упомнила про улитку, но...

Я с надеждой взглянула на босса, искренне веря, что он во всем разберется и не станет рубить с плеча. Но мужчина озадаченно захлопал ресницами, давая понять, что выводить Леру на чистую воду придется мне самой.

Глава тридцать вторая. Предательство

В бутике повисло напряженное молчание. Даже вошедшие гости замерли в предвкушении любопытной сцены.

– Я удалила? – усмехнулась я. – И доказательства у тебя, наверное, имеются?! Или свидетели? Девочки подтвердят, что я была в шубах. Между прочим, продала пять штук, в то время как ты ни одной не удосужилась сбагрить за все время своей работы.

– Сбагрить? – зацепилась за это слово Лера. – Ты слышал, с каким пренебрежение она относится к твоему товару?!

Ох, ну это был явный перебор. Лера целенаправленно выводила меня на эмоцию. Но чего она добилась? Что Борюсик меня с позором выгонит? Серьезно?! Я взглянула на мужчину, прочитав некоторое сомнение в его взгляде. И это после того, что между нами было?! Не в том плане, но все же...

– Ясно, – потер переносицу босс. – Давайте мы не станем скандалить в присутствии гостей, а пойдем ко мне в кабинет и там за чашечкой чая... – но внезапно обратился ко мне: – Не ожидал, что ты так будешь мне врать. Я же уже видел запись камеры торгового центра, ты последняя закрывала магазин.

– Да закрывала, но это не значит, что после меня не при-

шел тот, который подтер остальные записи! – возмутилась я. – Идемте! – я направилась к примерочным, где, затаив дыхание, стояла Света. В последний момент она уже хотела юркнуть прочь, но я невероятно грозно выкрикнула: – Света, стой! – А когда мы оказались возле нее, мягче добавила: – Светик, скажи, пожалуйста, а то мне не верят, в каком отделе я вчера работала?

Света внезапно заволновалась, захлопала черными длинными ресницами и глядя на Леру, с придыханием произнесла:

– В нижнем белье.

Было ли это для меня громом среди ясного неба? Значило ли это то, что Лера подговорила Свету? Ту, которая могла бы стать мне другом. Которую я прикрывала, когда она страдала из-за своего ухажера, убегая с рабочего места в туалет. Не я ли за нее заступилась, даже когда Борюсик собирался уволить... И я вообще молчу о том, что именно Лера отбила у нее этого самого ухажера, а потом еще долго издевалась.

В этот момент я в очередной раз убедилась, что не следует сближаться с людьми и им доверять.

– Ладно, – ответила я, отворачиваясь от Светы, которая в данный момент перестала для меня существовать. Я направилась в соседний отдел, где поправляла кофточки Катя. Очевидно, что она нас ждала, ведь кричала Лера достаточно громко, но все-равно вздрогнула, словно напуганная птичка. С Катей мы общались не так тесно как со Светой, но я все же

понадеялась, что коллега скажет правду. Я повторила свой вопрос, но ответ оказался как у Светы.

– Ладно, идите на рабочие места... – раздраженно буркнул Борюсик, но для меня это уже стало делом принципа. Лера прямо-таки сверкала торжеством, явно довольная, что коллектив взбунтовался против меня. Но чем она пригрозила девочкам? Тем, что Борюсик их уволит? Ох и как же я была зла!

Если честно я совершенно не переживала за комплекты белья, я бы за них расплатилась, возмущало другое – мало того, что Лера меня оговаривала, так предали девочки. Если бы сейчас Борюсик объявил, что верит Лере, я, наверное бы, сломалась, но босс явно пытался сгладить углы и все бормотал про свой кабинет.

Я гневно сверкнула глазами на ухмыляющуюся из-за плеча Борюсика Леру, затем на него самого. Увольнение меня тоже мало волновало, я ведь давно размышляла над тем, как уйти и не обидеть Борюсика.

– Ты считаешь меня воровкой? – прямо спросила я у босса. Интересно, Ларису бы он тоже заподозрил в чем-то подобном?!

– Нет, конечно, – шепнул мужчина, пряча глаза.

– В смысле нет?! – вскрикнула Лера.

– Расходитесь по своим рабочим местам, – повысил голос Борюсик. Лера рассерженно фыркнула, явно ожидая моего немедленного позорного изгнания, а я направляясь к кассе.

Заметив наше приближение, Настя всем своим видом показала, что подобного подругам тоже хочет убежать, но ее бегство походило бы на побег тушканчика по открытой местности. К тому же одна посетительница все еще стояла неподалеку и попивала через трубочку смузи. Она не торопилась уходить: услышав начало конфликта, гостья явно собиралась узнать, чем все закончится.

Настя была самым незаинтересованным в собственном увольнении лицом. Она – студентка, сама платила за обучение, к тому же у нее сильно болела мама. Эта работа являлась не единственной, о чем мне по секрету шепнула девушка, не так давно она устроилась официанткой в один из самых популярных ресторанчиков нашего города, но денег по-прежнему катастрофически не хватало.

Борюсик платил нам хорошо и не поощрял, чтобы сотрудницы работали где-то еще, хотел, чтобы они отдыхали и высыпались. Я не сомневалась, если бы Настя попросить надбавку к окладу, босс бы, не раздумывая это сделал, но, во-первых, девушке было стыдно просить, во-вторых, ей нравилась работа официантки. Не только для меня работа в бутике казалась скучной, молодежи сюда практически не заглядывало, зато в ресторане Настя упивалась общением. И как она все успевала, уму не приложу. Я была старше всего на три года, но точно бы такую нагрузку не вынесла.

Так вот, Насте категорически было не выгодно терять работу Борюсика, но поняла я это только оказавшись возле

касс. Сомнений быть не могло, что если уж Света и Катя пошли на поводу Леры, то Настя уж подавно это сделает.

Последняя нервно дернула головой и взглянула на меня весьма осуждающе, мол, неужели я не понимала и собиралась разрушить ее судьбу. И мне сразу расхотелось что-то спрашивать. А ведь был же и другой способ доказать свою правоту!

Вчера я продала пять шуб, из них одна посетительница была постоянной клиенткой. Нужно было просто дождаться, когда она придет снова. Ее же Лера не запугает, женщина будет совершенно незаинтересованным во лжи человеком и спасет мою репутацию. Вот только когда она придет снова?

– Ладно, расходимся, – сказал Борюсик.

– У нас же правило! – возмутилась Лера. – Ты должен ее уволить!

– Лерочка, давай... – начал было босс, но девушка сердито мотнула головой и ткнула в меня пальцем, громко отмечая:

– Ты предупредил, что если кто-то из нас будет пойман на краже, ты сразу же ее уволишь! Ты не отвечаешь за свои слова?

Лера засверкала глазами. Ей было всего восемнадцать, но взрослый мужик в ее присутствии весь сжался и бросил на меня трусливый взгляд. Да уж, манипулировать Борюсиком было несложно. Если бы я в данный момент таким же тоном потребовала бы уводить Леру, да еще бы упомнила имя Ларисы, без сомнения, он бы послушал меня. Но я все-таки не

настолько гадкий человек.

– Значит так! – громко произнесла Настя, стукнув рукой по столу. Мы вздрогнули и повернулись, даже посетительница в удивлении замерла. Все знали Настю как тихую и уравновешенную девушку, никогда не повышающею голос и тем более не стучащую по столу. Но сейчас она прямо-таки рвала и метала взглядом и, глядя только на Борюсика, сообщила: – Эта коза нас всех достала! Она украла комплекты белья и записи тоже подтерла, я видела, как приходил Дима с первого этажа, не сложно догадаться для чего, он же айтишник!

Глава тридцать третья. Доказательство

Посетительница пожевала губами соломинку и взяла второй смузи. Настя раскраснелась, глаза ее лихорадочно блестели.

– Так это правда? Ты все же украла?.. – глядя на меня, павшим голосом пробормотал Борюсик. Босс без сомнения был убежден, что эта пламенная речь Насти направлена против меня. К слову, я тоже так подумала, но тут коллега, увидела наше замешательство и добавила:

– Да не Лина, а Лера украла. Лера решила подставь Лину, чтобы ты ее уволил! Угрожала нам сегодня, мол, если не подтвердим, что Лина вчера была в нижнем белье, то сами будем уволены. Вот!

Самодовольство Леры как рукой сняло. Девушка растерялась, явно не ожидая подобного. Наверняка она не сомневалась, что Настя, как самая слабая из девочек, точно будет на ее стороне, но оказалось, что нет. Впрочем, как известно, лучшая защита – нападение. И пуще прежнего, выжимая из себя слезы, Лера заголосила:

– Да что же это такое, за что вы меня все ненавидите? Так низко врать, как вы только можете... – и обращаясь к Борюсику: – Они ведь подружки, вот и выгораживают друг друга,

обе воровки и лгуньи...

Настя демонстративно вышла из-за кассы и зашагала к служебному помещению. Когда она вернулась со свой куртки и сумкой, Лера все еще голосила, а потерянный Борюсик, явно не в силах вынести такое давление, словно язык проглотил.

– Настюша, подожди... – произнес он, когда девушка, гордо подняв голову, прошагала мимо. Явно довольная этим Лера кричала вслед, что у Насти проснулась совесть, вот девушка и убегает. А Настя действительно бы ушла, если бы посетительница со смузи, до сего момента с интересом ждущая развязки, не преградила ей дорогу.

– Это конечно все очень занимательно, но я, пожалуй, внесу ясность, – гостья взяла Настю под локоть и повела обратно к кассам. Добрая по натуре девушка, выплеснувшая весь свой негатив, покорно зашагала рядом.

– Эй, ну ты чего... – я погладила Настю по спине, увидев, что у нее глаза на мокром месте. – Правда же на нашей стороне...

– О чем вы? – обратился к посетительнице Борюсик.

– Меня вчера здесь не было... – начала она.

– Ну так и не лезьте! – выпалила Лера, явно решившая, что ей все позволительно, даже хамить клиентам в присутствии босса.

Борюсик отшатнулся, словно получив кулаком в челюсть. Вежливость с клиентами было самым важным правилом в

нашей работе. Я пыталась ему говорить о ненормальном поведении Леры, настоятельно просила понаблюдать за ее сменой с включенным звуком, но – все тщетно. Словно одурманенный Борюсик слепо верил в невиновность Лерочки.

Посетительница стойко выдержала оскорбление и заявила:

– Эта девица – настоящая хамка, несколько моих друзей перестали к вам ходить именно из-за нее. Только представьте, она назвала собачку моей подруги шавкой. Вы считаете это нормальным?

– Что? – пораженно воскликнул Борюсик, а когда Лера попыталась возразить, подняла кверху руку с самым угрожающим видом. Девушка тут же передумала подавать голос, а босс взглянул на меня: – И как давно?

– Да с самого начала, как пришла, – пояснила Настя. – Мы честно пытались с ней подружится, ну куда уж там. Если что не по ней, сразу звонить своему отцу, ну а он – тебе, а ты даже не пытались разобраться, сразу нас обвинять начинал.

Настя обиженно прикусила губу и опустила глаза.

– А я говорила тебе послушать записи со звуком, – ввернула я в свою очередь. Крыть Борюсику было нечем, он повернулся к Лере, которая тут же заявила:

– Они врут, а эта бабка вообще... – она махнула рукой на посетительницу, заставив ту возмущенно ахнуть. Женщина явно хотела что-то еще добавить, а Борюсик вообще чуть в обморок не упал, как от дверей раздался радостный женский

возглас:

– Ангелина, как хорошо, что вы сегодня тоже тут.

К нам метнулась женщина в распахнутой леопардовой шубе. При этом я сначала узнала саму шубу, а затем – саму женщину. Настя радостно воскликнула:

– А вот и доказательство!

Шубка была из лимитированной коллекции, практически единственной во всем городе, Борюсик вез ее какими-то окольными и явно не совсем законными путями. Это была самая дорогая вещь в нашем бутике, которую я, к слову, вчера продала. Женщина, купившая шубку, была проездом в нашем городе, и я даже не надеялась увидеть ее снова.

– Нравится? – спросила гостья, заметив шокированный взгляд Борюсика. Приняв его за восторженный, она кокетливо покрутилась в шубке. – Мне тоже очень нравится. Хотела вчера взять другую, но Ангелина убедила, что эта идет мне больше. Представляете, муж не ободрил еще ни одной моей спонтанной покупки, но в эту шубку прям влюбился. Очень жаль, что мы сейчас уезжаем на Бали, но как вернемся, я буду ходить только в ней до самого лета! – заверила она и подытожила: – В общем забежала поблагодарить.

– Вот так история, похлещи турецкого сериала... – заметила повеселевшая посетительница, допивая свой стакан смузи и обращаясь к обладательнице новой шубы. – Коктейльчика на дорожку?

– А давайте, – весело согласилась та, и Настя, отдав мне

куртку и сумку, побежала готовить гостьям напитки.

– Тут такое дело, – обратилась я к Борюсику. – Я ухожу, – и спешно добавила: – Не из-за Леры, просто мне скучно... Хочу работу, которая мне бы нравилась, хочу приносить пользу, понимаешь, о чем я?

Борюсик понимал меня как никто другой, хоть мои слова его и опечалили. Пришлось провести с боссом часовую беседу и заверить, что мы останемся друзьями и будем общаться как раньше. В итоге Борюсик все же согласился меня уволить и вызвался (на правах друга) подобрать работу.

– Чем ты хочешь заниматься? – спрашивал он, зарываясь с головой в объявления. – Знаешь, у меня есть связи не только в торговле, но и других сферах...

– Не нужно через связи, я хочу устроиться сама и найти свое призвание, – ответила я, тоже пролистывая объявления. – О, кстати, можно пробовать в магазинчик с продуктами. Мне кажется, это будет интересно.

– Ты же вроде не любишь торговлю... – недоверчиво уточнил мужчина, явно решив, что я шучу. – К тому же зарплата в три раза ниже, чем у меня, и ад это, а не работа.

– Трудности нас только закаляют, – ответила я, откликнувшись на объявление. – Кстати... Поднимешь Насте зарплату? У нее семейные трудности, сама она не попросит. Сам понимаешь почему...

– Не понимаю, – невинно захлопал он ресницами.

Что до Леры, то на следующий день она явилась как ни

в чем не бывало. Борюсик попытался намекнуть девушке, что в такой работнице больше не заинтересован, и отцовские связи больше помогут. Но намек понят не был. С явно оскорбленным видом она ушла, чтобы вернуться на следующий день более подготовленной.

Лера в ультимативной форме заявила, что Борюсик не имеет права ее уволить, так как к тому нет оснований. Если же он все же решится на тот шаг, то, во-первых, ей нужно отработать несколько недель, во-вторых, боссу следует выплатить несколько зарплат, отпускные и вообще выкатила огромным список претензий, заявив, что чиста перед трудовым кодексом и по собственному желанию ни за что не уволится.

Глава тридцать четвертая. Ресторан

К сожалению, я не была свидетелем пламенной Лериной речи, но Настя рассказала, что повергнув девочек в немалый шок, она, убежденная в своей правоте, уверенно прошла к шубам, заняв привычное место, где, к слову, уже работала новая работница.

Через минут пятнадцать пришел Борюсик, для которому Лера все повторила, немало шокировав и мужчину, а еще через час приехал отец девушки, но вызванный уже не дочерью, а самим Борюсиком. Мужчины скрылись в кабинете и пока они разговаривали, Лера ходила по магазину, сообщая, что девочки доигрались и будут с позором уволены, в особенности Настя. Также Лера сильно негодовала из-за того, что меня не было на работе и я посмела уволиться раньше.

Света и Катя, весьма взволнованные речью Леры, пытались убедить распалившуюся девушку, что на ее стороне и увольнять их не нужно. Настя хранила молчание, что сильнее злило Леру, ожидающую от той раскаяния. Новая сотрудница стояла в полном шоке, вообще не понимая, что тут творится, и кто такая эта Лера.

Когда же в торговом зале появились отец девушки и Борюсик, Лера, указывая на Настю, грозно заявила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.